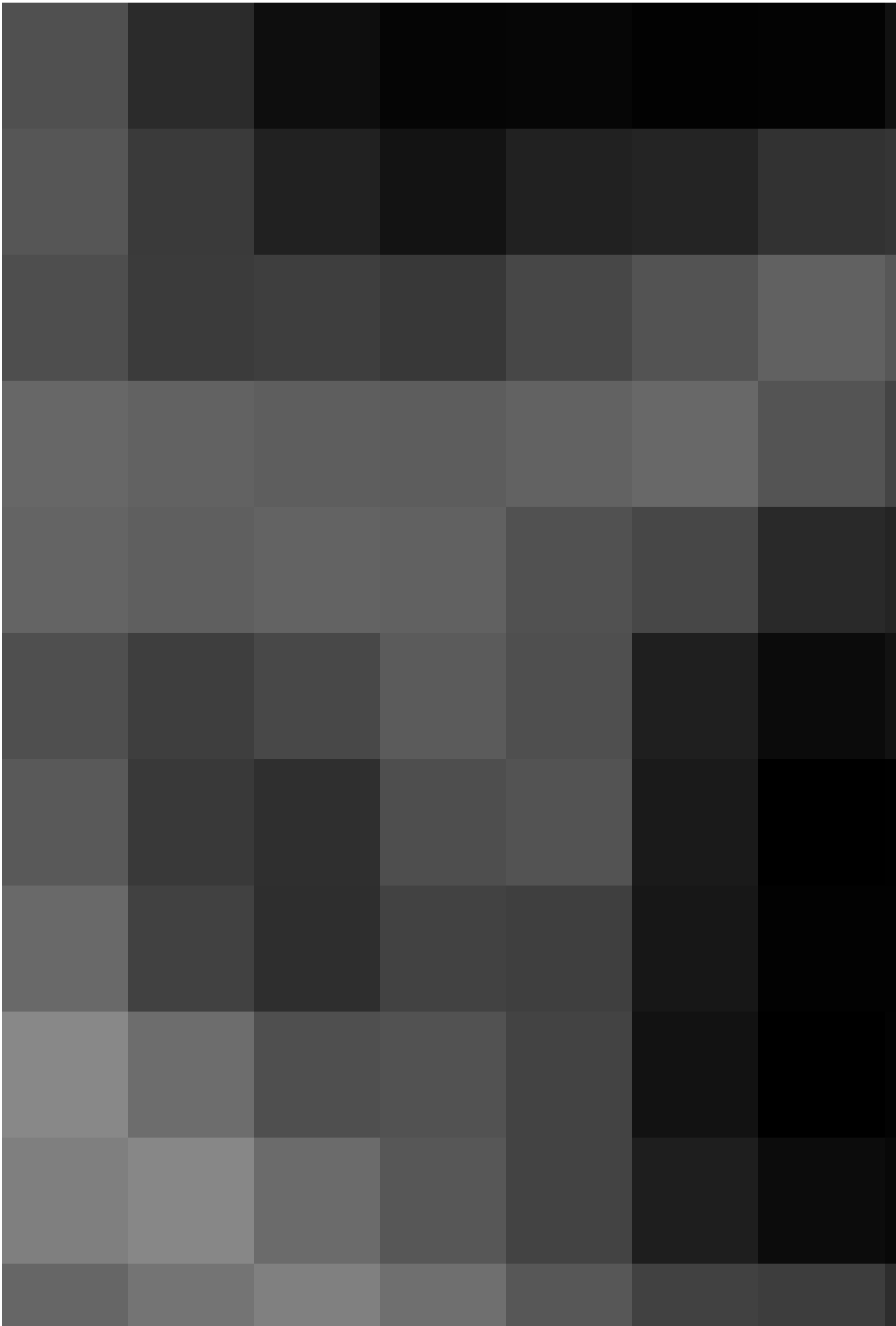

Эдвард Станиславович Радзинский
Боги и люди
Серия «Династия без грима»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15615880
Эдвард Радзинский. Боги и люди: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-093844-5

Аннотация

«Пророки и безумцы, властители дум, земные боги... Тайна славы, загадки решений, менявшие судьбы мира, губительные молнии истории и, наконец, чертеж Господа в судьбах людей... Обо всем этом – в книге».

Эдвард Радзинский

Содержание

Театр времен Нерона и Сенеки	5
Последняя из дома Романовых	35
Домики старой Москвы	35
Несколько точных дат	37
Действующие лица: «Орлов со шрамом»	40
Действующие лица: Она	53
Действующие лица: Рибас	57
Действующие лица: Екатерина. Рабочий день императрицы	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эдвард Радзинский

Боги и люди

© Радзинский Э.С.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Театр времен Нерона и Сенеки

Над цирком заходило жаркое солнце. Сквозь розовый шелк, натянутый над гигантским амфитеатром, тяжелые лучи падали на арену. Плавилась арена, усыпанная медными опилками, в розовом свете плыли статуи богов...

Посреди арены высился золотой крест. Под крестом горела золотом громадная бочка.

И в этом пылающем розово-золотом свете возник на арене прекрасный юноша. В золотом венце, в золотой тоге – совершеннейший Аполлон. Только вместо сладкозвучной кифары в руках Аполлона был бич.

И, бурно приветствуя этого странного Аполлона с бичом, понеслись крики толпы:

– Да здравствует цезарь Нерон!

– Ты наш отец, друг и брат, ты хороший сенатор, ты истинный цезарь!

Это были загадочные крики, ибо гигантский цирк был совершенно пуст.

Пустые мраморные скамьи амфитеатра сверкали в догорающем солнце.

Заходило солнце. В тени мраморного портика сидел старик. С тихой улыбкой старик смотрел вдаль – как тонул в сияющем озере солнечный диск. Безжизненная, морщинистая, похожая на срез дерева рука старика машинально мяла свиток.

Отряд преторианских гвардейцев спешил у виллы.

Сверкая доспехами, трибун Флавий Сильван ступил на мраморный пол.

Была ночь, когда носилки со стариком, окруженные эскортом гвардейцев, приблизились к Риму. Рим не спал в эту ночь. Толпы людей с факелами заполнили ночные улицы, грохотали колымаги, запряженные волами.

В колымагах над головами толпы раскачивались в огромных клетках львы, слоны, тигры, носороги... Грохот повозок, крики животных, улюлюканье людей.

Толпа преградила дорогу носилкам. Не открывая занавесей, старик слышал близкие голоса толпы:

– Тигр-то какой. у, тигрюга! Ишь, закрутился, как мышь в ночном горшке!..

– Льва приручил сам Эпиан. Говорят, он подарил такого льва Поппее Сабине и лев разглаживал ей морщинки языком. Чего хохочешь? Лев даже обедал вместе с нею за одним столом!

– Указальщик мест сгоняет меня и орет: «Эти места для сенаторов. для сенаторов!.. Так тебя разэтак!..». Тогда я сажусь на крайнее место – три четверти зада у меня висит, то есть я как бы стою. Но четвертью задницы сижу – сижу на сенаторских местах!..

Старик слушал все эти крики и хохот толпы. Отвращение и грусть были на его лице.

– С дороги! Прочь! – гремел где-то рядом голос трибуна. Потом глухо ударили палки по человеческой плоти. Вопли избиваемых людей. И уже побежали рабы, и понеслись в римской ночи носилки. Туда, туда – где нависла над вечным городом громада нового цирка.

Сквозь орущую, гогочущую вокруг цирка толпу, сквозь когорты гвардейцев носилки со стариком проследовали внутрь цирка. Трибун помог старику сойти с носилок. Прямой, величественный и гордый, старик неторопливо вышел на арену.

В свете факелов, горящих на пустой арене, ждал его Аполлон с бичом.

Увидев старика, Аполлон бросился ему на грудь, обнял его. Это были какие-то яростные объятия. Он будто душил старика – и лихорадочно приговаривал, почти кричал:

– Сенека! Учитель! Сенека!..

– Нерон. Великий цезарь. – пытаюсь вырваться из этих жестоких объятий, бормотал старик.

Но Нерон сжимал его еще яростнее:

– Ну что ты. это для других я цезарь. А для тебя всего лишь твой послушный ученик Нерон.

Наконец Нерон выпустил Сенеку из объятий, будто оттолкнул. Потом с удивлением посмотрел на него. И, бесцеремонно приподняв край тоги, обнаружил тунику и шерстяной нагрудник

– Такая теплая ночь. А ты так укутался, учитель?

– Старость, Цезарь. Охладела кровь. И вечерами я надеваю две туники, обмотки на бедра. И все равно...

Но Сенека не закончил. Из тьмы на арену вышел могучий немолодой мужчина в тоге римского сенатора. За сенатором с серебряной лоханью в руках следовало некое прекрасное существо: грива спутанных волос, огромные глаза и нежное, щедушное тело мальчика. Этаким Амур.

– Рад тебя видеть, сенатор Антоний Флав, – обратился Сенека к гиганту-сенатору.

Но сенатор смотрел на Сенеку невидящими глазами. Нерон с каким-то любопытством следил за сценой.

Возникла неловкая тишина, и Сенека неторопливо, величественно продолжал:

– Позволь мне приветствовать тебя, друг мой Антоний Флав, старинным приветом, которым наши деды начинали свои наивные добрые письма: «Если ты здоров – это хорошо, а я – здоров».

И тогда Нерон поднял бич – и сенатор отчетливо заржал. Ужас – на лице Сенеки. Но только на мгновение. И вновь лицо его стало бесстрастным и спокойным.

– Ах, как повеяло нашей величавой римской древностью! – как-то светски заговорил Нерон. – Как они умели ухватить главное: «Если ты здоров – это хорошо». Именно – здоров, – Нерон усмехнулся, – то есть живой. Но одного не пойму, учитель. Почему ты все время обращаешься к сенатору Антонию Флаву? Где ты увидел здесь мудрого сенатора?

Сенека молчал.

– Может, ты видишь сенатора? – обратился Нерон к Амуру.

Амур, молча улыбаясь, удивленно пожал плечами и протянул серебряную лохань сенатору. Сенатор начал торопливо, неумело поедать овес из лохани.

– Ты ошибся, учитель, – продолжал благодушно болтать Нерон. – Антоний Флав – видный мужчина, его трудно не заметить. Да и что здесь делать твоему другу и солнцу мудрости – сенатору Антонию Флаву? Сейчас ночь, и он преспокойно храпит в своей постели. А здесь только я – твой ученик Нерон. – И, улыбаясь, он кивнул на Амура: – Да вот еще – прелестная девушка. И вот, – Нерон нежно улыбнулся и указал бичом на сенатора, – старый мерин.

И Нерон ударил бичом – сенатор торопливо заржал.

– Какой ужас, Цезарь, – воскликнул Амур, – ему на круп сел овод!

Нерон поднял бич, и сенатор показал, как он отгоняет хвостом овода.

– Отогнал, но очень неумело.

Нерон ударил сенатора бичом, и тот, будто винясь, опять покорно заржал.

– Как я рад тебя видеть, – продолжал как ни в чем не бывало светски беседовать Нерон. – А как она рада тебя видеть...

И тотчас перед Сенекой дьяволенком запрыгал Амур.

– Ты, конечно, узнаешь это прелестное лицо? – добро улыбался Нерон.

– Конечно, я узнал его, Цезарь, – ответил Сенека. – Это твой раб – мальчик Спор. За время моего отсутствия в Риме он подрос – и оттого пороки на его лице стали откровеннее.

– Да что ж ты такое несешь, Сенека! – всплеснул руками Нерон. – Где ты увидел мальчика Спора?! Подойди сюда, крошка.

Амур с ужимками подошел вплотную к Сенеке.

– Неужто так ослабело твое зрение, – продолжал сокрушаться Нерон. – Да это же прелестная девушка! Вот – крохотная грудь. Вот – юные крепкие бедра. Ну?.. Ты видишь девушку? Я спрашиваю!

Сенека молчал.

Нерон поднял бич – и тотчас заржал сенатор.

Нерон темно усмехнулся:

– В последний раз, Сенека. Перед тобою старый конь и юная девица. Гляди внимательнее. Ты их видишь?

Глаза Нерона неподвижно смотрели на Сенеку. Но Сенека молчал по-прежнему. И тут Нерон добродушнейше расхохотался и обнял Сенеку.

– А все потому, что ты давно не бывал в столице. Заперся, понимаешь, в своих усадьбах. У, брюзгливый провинциал!.. Ну и в результате ты не в курсе последних римских событий. Но я все прощаю своему учителю. Объясняю. Помнишь, ты рассказывал мне в детстве, у горящего камелька, про превращения, про все эти метаморфозы, которые так любили устраивать великие боги. Ну, к примеру, для великого Юпитера превратить какую-нибудь нимфу в козу, в кипарис – что мне плюнуть! И знаешь, я задумался. Все-таки я Великий цезарь, земной бог. А почему бы мне не заняться тем же, следуя богам небесным? К примеру, у меня умерла жена Октавия. А хочется жену. Спрашивается: где взять?

– В женщинах так легко ошибиться, – вздохнул Амур.

– Именно, – подтвердил Нерон. – И тогда я совершаю метаморфозу. Я превращаю хорошо тебе знакомого мальчика Спора в девицу! Грандиозно, да? Как я это сделал? Я собрал наш великий законодательный орган – нашу гордость и славу – римский сенат. И сенат единогласно постановил. – Он вопросительно посмотрел на Амура.

– Считать меня девушкой, – восторженно закончил Амур.

– На днях я женюсь на нем, – скромно сказал Нерон, – то есть прости... на ней! Гениально? Да здравствует сенат! Речь! – завопил Нерон.

И он ударил бичом. И сенатор величаво выступил вперед. Стараясь не встречаться глазами с Сенекой, он патетически начал:

– Можно сжечь Рим, можно разрушить его дома. И все-таки Рим устоит! Ибо не камнями домов славен наш город! А свободой и законами, олицетворенными в нашем древнем сенате. Жив римский народ – пока жив сенат!

– Каков жеребец! – восторженно захлопал Нерон.

Амур подхватил аплодисменты. И вслед откуда-то из-под земли раздались приветственные крики.

– Это тоже моя метаморфоза: я превратил солнце мудрости – сенатора Антония Флава в коня! Теперь у меня в стойле сразу жеребец и сенатор. Я улучшил породу. И потому я прозвал этого мерина Цицерон, в память о другом твоём любимце.

Усмехаясь, Нерон неотрывно глядел в глаза Сенеки. Но ничто не дрогнуло в лице старика.

– Но я продолжил метаморфозы. Заметь, ты не отгадал уже две! А ведь я все считаю, учитель. Так что постарайся угадать мою третью.

И Нерон ударил бичом. И тотчас в середине арены, там, где находилась пегма – квадрат, покрытый досками, – произошло движение. Доски вдруг поднялись, как лепестки распустившегося цветка. И среди них из-под земли медленно выростала прекрасная нагая девушка. В золотой раковине в свете факелов она возникла на мерцающей арене – как та

богиня из пены вод. И вослед этой явившейся Венере страшно неслись из-под земли озлобленные, угрожающие крики и гогот.

Нерон воздел руки в немом восторге. Амур схватил невидимый лук и выпустил невидимую стрелу в грудь Нерона. Как бы пораженный стрелой, Нерон схватился за сердце. А Венера, будто обессиленная своим рождением, лениво покачивая бедрами, шла-плыла по арене.

– Непроворна? – зашептал Нерон Сенеке. – Она побывала в трудном сражении – там. – И Нерон указал вниз, откуда неслись крики.

Амур захохотал.

– Ах да, прости, учитель, ты ведь не знаешь, что у нас там. – И, обняв Сенеку, Нерон поволок его к центру арены.

В глубине под досками оказалась решетка. Под решеткой открывалась подземная галерея. Она шла вправо и влево. В левой ее части был сад. К деревьям, увешанным фруктами, привязано было множество щебечущих птиц...

– Под садом – машины, – шептал Нерон. – Завтра они в мгновение поднимут этот сад на арену. И наше быдло, прости, великий римский народ, набросится на даровые плоды, давя друг друга. Но это будет в перерыве. Когда проголодаются. А сначала. Смотри, смотри туда, праведник!..

С другой стороны галереи открывалась длинная полость – большая подземная цирковая зала, куда обычно крючьями стаскивают трупы с арены. Сейчас большая зала была великолепно убрана. Курились благовония, горели масляные лампы. Бесконечный пиршественный стол, уставленный фантастическими яствами, уходил во тьму. Вокруг стола на ложах, церемонно опершись о левую руку, возлежали молодые мужчины и женщины. Рабы торопливо сновали между ложами, наливая вино в кубки.

– Это убойные люди, – зашептал Нерон, прижимая голову Сенеки к решетке. – Ты хоть знаешь, что будет завтра?.. Почему не спит Рим?

– Я не знаю, Цезарь, что будет завтра, – равнодушно ответил Сенека.

– Да, да, конечно, ты выше суеты, и все мирское тебе чуждо. Завтра в Риме я открываю этот цирк. Не хочу хвастать, ты и сам видишь – это величайший цирк.

Нерон уже волок Сенеку по арене к мрачному зданию, находившемуся против императорской ложи. Тринадцать огромных дверей здания были обращены на арену.

Нерон открыл маленькое окошечко в самой большой двери и, прижав голову Сенеки к решеточке, провозгласил:

– Бег колесниц!

Красавцы кони стояли в стойлах. Крайнее – мраморное – стойло оставалось пустым.

– Ты догадался, для кого этот драгоценный мрамор? – шептал Нерон. И грозно обернулся на сенатора. Сенатор торопливо заржал. – Его дом!

Рыканье львов, трубные крики слонов раздавались в ночи за другими закрытыми дверями.

– Слышишь, слышишь, как они голодны?.. Грандиозно? – Нерон уже волок Сенеку обратно в центр арены. – Ну естественно, сенат постановил назвать в мою честь завтрашние игры Нерониями. По-моему, удачное постановление.

И он опять пригнул голову старика к решетке. И опять Сенека увидел чудовищное подземелье.

– Эти ребята, – шептал Нерон, – завтра откроют мои Неронии. Эти миляги утром выйдут сюда, на арену, сразиться с теми дикими зверями и будут разорваны в клочья, а уцелевшие убьют друг друга в бою... Но погляди, как они сейчас веселятся!

Крики восторга, визги женщин неслись сквозь решетку.

– Я велел им дать, – усмехнулся Нерон, – самые тонкие яства. Они пьют вино вволю и жрут от пуза. Смотри, что они выделывают со шлюхами! Заметь, это самые дорогие римские девки. Ты погляди, какие утонченности! Кстати, эти гладиаторы тоже одна из моих метаморфоз. Я превратил завтрашних убойных людей в царей на одну ночь. И видишь – хохочут. Счастливы. Забыли о завтра. А мы с тобой глядим на них сверху.

– А в это время на нас, предающихся забавам, тоже глядят сверху.

– Да, да, и тоже. смеются? – подмигнул Нерон.

– Что делать, Цезарь, – равнодушно ответил Сенека, – у нас с этими одна участь. Только у этих – утром, а у нас. чуть позже.

– Как мудро! – Нерон улыбнулся. – Чуть позже. Ах, как ты удачно сказал! Запомни эти свои слова, Сенека. Значит, чуть позже?

И Нерон добавил, лаская Венеру:

– Вот откуда ты пришла. Ну расскажи нам, девка, как ты достойно сражалась там, внизу.

И, раскачивая бедрами, Венера начала показывать свою битву.

– Прости, – засмеялся Нерон, – она не умеет словами. Она так прекрасна, что ее сразу заставляют действовать. И она попросту разучилась говорить!

И Венера, смеясь, продолжала свою похотливую пантомиму.

– Но вот я, земной бог, велю ей. – сумрачно сказал Нерон.

И Венера остановилась как вкопанная. Застыла в немой величественной позе – теперь она вся была гордость и неприступность.

– Метаморфоза! – вскричал Нерон. – Она превратилась!.. Кто перед тобою сейчас, учитель? Ну? Узнал?

– Передо мною шлюха, Цезарь, – ответил Сенека.

– Да у тебя очень плохо со зрением, Сенека. Ну что ж, будем намекать. Кто самые целомудренные женщины в Риме? Ты ответишь: жрицы богини Весты, ибо они дали обет вечного целомудрия. А кто из этих целомудрениц самая целомудренная? Естественно, скажешь ты, Верховная жрица, несравненная дева Рубирия: ей двадцать пять лет, она прекрасна и не познала ни одного мужчины. Значит, перед тобою кто, Сенека? Ну?!

– Я с рождения знаю непорочную деву Рубирию из великого рода Сабинов. А передо мною – все та же шлюха.

– Этот гадкий провинциал абсолютно не в курсе нашей римской жизни, – вздохнул Нерон, обращаясь к Амуру. И, обняв Сенеку так, что старик опять задохнулся в его объятиях, Нерон благожелательно пояснил: – Эту самую непорочную деву Рубирию, которую ты знал с рождения, я, попросту говоря, изнасиловал, прости за откровенность... Ну изнасиловал – и все дела! Но ты учил меня: цезарь всегда должен радеть о нуждах своего народа! Не могут же эти болваны римляне остаться без символа целомудрия! А слухи ползут, в городе ропот. Как быть?

Амур сделал сочувственное лицо:

– Я собираю.

Сенатор с готовностью заржал.

– Да, собираю наш великий сенат, – подтвердил Нерон. – И сенат издает постановление – считать изнасилованную Рубирию. девушкой! Все тут же успокоились? Довольны? Ни черта подобного! Беда римлян – они абсолютно лишены чувства юмора. Эта самая Рубирия. которую уже опять все считали целомудренной, удавилась! Что делаю я? Метаморфозу! Я тотчас вспоминаю твое учение о единстве противоположностей в природе. И начинаю думать: кто же в Риме может стать самой целомудренной женщиной?..

Амур хохочет – и выталкивает вперед Венеру.

– Да, да, – вздохнул Нерон, – на днях соберется сенат и примет закон: считать эту тварь Верховной жрицей богини Весты! Символом целомудрия! Фантастика, да?

– Зачем ты позвал меня в Рим, Великий цезарь? – спросил Сенека.

– Все-таки не выдержал, спросил, – усмехнулся Нерон. Он принял лицом к лицу Сенеки и зашептал: – Когда тебя поволок в Рим мой трибун – била дрожь? Вон сколько на себя напялил – а все равно знобило?.. – И, оттолкнув Сенеку, добавил совсем добродушно: – А ты сам не догадываешься? Я тоскую по тебе. а ты нас не любишь! Не хочешь даже поиграть с нами в метаморфозы. – И тут Нерон остановился, воздел руки к небу и закричал патетически: – Какие метаморфозы?! Как я мог забыть?! О боги, я, хозяин, до сих пор не позаботился накормить дорогого гостя!

Амур тотчас выхватил у сенатора серебряную лохань с овсом и бросился к Сенеке.

– Идиот! – закричал Нерон. – Что такое еда для философа? Это умная беседа! – И Нерон величественно приказал Амуру: – Немедленно привести сюда четырех самых мудрых собеседников Сенеки!

Амур выхватил из темноты свиток и приготовился записывать.

– Прежде всего, конечно, сенатора Антония Флава. Ой, прости, сенатора Флава нельзя: он превратился в лошадь.

Раздался нежный смех Венеры.

– Да, да... Но зато трое других – они остались! – продолжал Нерон. – Немедля послать за тремя неразлучными друзьями мудрейшего Сенеки – сенатором Пизоном... сладкоречивым консулом Латераном... Ну и, естественно, за Луканом, нашим величайшим римским поэтом Луканом. Ах, любимец Рима.

– Душка Лукан, – в восторге щебетал Амур.

– Не следует их тревожить, – прервал Сенека. – Эти почтенные и немолодые люди давно спят.

Нерон залился добрым смехом:

– Как ты сказал: давно спят? Опять удачная фраза! Что ты, Сенека, какой сегодня сон? Ты же сам видел – толпа. грохот повозок. Где уж тут заснуть! Любимые сограждане с вечера толкуются у цирка. Чтобы первыми с утра занять лучшие даровые места. Они так орут, что я трижды посылал когорта разгонять эту сволочь. прости, великий римский народ. Сколько их завтра здесь соберется! Знаешь, Сенека, говорят, цезарь Кай, когда дикие звери пожрали на арене всех убойных людей и все равно не могли насытиться, приказал бросить на арену наших замечательных сограждан. Их выдергивали прямо из рядов. Прости, тебе неприятно. Но ты не беспокойся, у нас завтра этой проблемы не будет, – он указал на подземелье, – мяса хватит на всех!.. Что ты стоишь? – грозно обратился Нерон к Амуру. – Друзья Сенеки будут просто счастливы обменять эту бессонную ночь на беседу с мудрейшим из римлян. Зови их, и побыстрее, ягодка моя.

И Амур, перевернувшись колесом, исчез в темноте главного входа.

– Да, значит, зачем я позвал тебя в Рим? – добродушно спохватился Нерон. – Просить вернуться. Мне так одиноко. Я устал от Тигеллина. От проклятого кровожадного Тигеллина. Ну почему ты не хочешь жить с нами в Риме?

– Прости, Великий цезарь, но для меня здесь нет покоя. На рассвете меня будит противный крик менял. Чуть сомкнешь глаза – начинает бить кузнечный молот. А воздух? Чем мы тут дышим? Дымом кухонь! А Тибр? Там же плавает невеста что! И теперь, когда я живу на природе среди незамутненных ручьев.

И тут Сенека столкнулся глазами с сенатором, уныло поедавшим овес из лохани. И красноречие его иссякло.

– Отвечу! – закричал Нерон. – Да, загрязняем реки, да, портим природу, да, шумим! Но зато, учитель, мы живем с тобой в просвещеннейший из веков. Если бы наши деды увидели, к примеру, стекла наших домов, через которые проходит свет.

Он поволок Сенеку к центру арены, туда, где решетка покрывала застекленное отверстие. Сквозь решетку был виден страшный пир – яростное непотребное веселье.

– Грандиозно, – шептал Нерон. – А деды-то прозябали во тьме! Или это последнее наше изобретение – трубы, вделанные в стены, по которым само идет тепло, так что в доме можно зимой жить как летом... А изобретение стенографии? Так что руки теперь поспевают за проворством языка!..

На арену торжественно вышел Амур.

– Сенатор Пизон... – начал Амур. и замолчал.

– Слышу его шаги! – радостно закричал Нерон. – Пизон уже спешит прервать мои докучные речи! Почему ты молчишь, любимая?

Но Амур только скорбно опустил голову. И сенатор, пряча глаза, заржал.

– Заржала лошадь – плохое предзнаменование, – запричитал Нерон. – И хотя Сенека учил меня не верить предзнаменованиям, я трепещу.

– Мы послали за сенатором Пизоном трибуна Флавия Сильвана с гвардейцами. – начал Амур.

– Ну! Ну! – в ужасе торопил Нерон.

– Трибун подошел к его дому. Постучал. Но сенатор Пизон, услышав этот стук, немедленно позвал своего хирурга – и вскрыл себе вены.

– Как?! Почему?! – всплеснул руками Нерон.

– Неизвестно, Цезарь. Сенатор Пизон оставил завещание, где все имущество завещал тебе, Великий цезарь.

– Какая неожиданная смерть! Пизон! Великий богач! Великий мудрец!.. Осиротели!

Сенека бесстрастно слушал его вопли.

– Нет, я разделяю твою горе, учитель: один друг превратился в лошадь, другой зарезался!

– Но осталось еще двое в этом союзе мудрецов, – робко подал голос Амур.

– Немедля послать за ними трибуна Флавия Сильвана с гвардейцами! И разбудить Тигеллина! Где Тигеллин?! Где начальник тайной полиции?! В городе режутся сенаторы.

– За Тигеллином будет послано, Цезарь, – сказал Амур.

– Тигеллин расследует. – забормотал Нерон. – Вот придет Тигеллин. – И тут Нерон остановился и добавил добродушно: – Да, зачем я позвал тебя в Рим?.. Ну естественно, чтобы узнать: не нуждается ли в чем мой старый учитель?

– Ты осыпал меня такими милостями, – спокойно отвечал Сенека, – что моему счастью не хватает только одного – меры. С тех пор как я удалился от дел, я живу в пожалованных тобою поместьях.

– Да, да, – бормотал Нерон.

– И хотя дух мой, – продолжал Сенека, – всегда удовольствовался немногим, но поместья мои благодаря твоей милости...

– Да, да, бескрайни. И, говорят, приносят огромные доходы? – продолжал бормотать Нерон.

– Вот это особенно меня печалит. Я учу воздержанию и умеренности, а сам купаюсь в роскоши. И как, обессилев в походе, я стал бы просить тебя о поддержке, так теперь, достигнув старости и не имея сил нести бремя богатства, прошу лишь об одном: возьми назад пожалованное тобою.

Визги и крики неслись из подземелья. Нерон бросился к решетке, заглянул вниз.

– Гениально! – И обратился к Сенеке: – Прости. Как сладостна твоя речь! Но тем, что без запинки смогу тебе возразить, я ведь тебе обязан. Ты научил меня всему, в том числе и ораторскому искусству. Неужели воспитание цезаря не заслуживает жалкого десятка вилл? Любой спекулянт у нас имеет больше! Нет, Сенека, я еще не расплатился с тобой как должно! – И, обняв Сенеку и прохаживаясь с ним по арене, Нерон добродушно говорил: – Помнишь, в дни юности, у камелька, ты рассказал мне, как некий философ взялся воспитывать ученика? Когда же пришла пора расплачиваться, ученик не заплатил. Философ повел ученика к судье. И ученик объяснил: «Этот философ обещал научить меня добродетели. Я не заплатил ему. Следовательно, нагло обманул. Следовательно, я бесчестен. Следовательно, он ничему меня не научил! А можно ли платить за ничто?» Грандиозно? Умение правильно оценить труд – черта богов и мудрых властителей. Так учил меня ты. – И Нерон приблизил лицо к лицу Сенеки и зашептал: – Я позвал тебя в Рим, чтобы по справедливости расплатиться с тобой.

Из тьмы на арену выпрыгнул Амур.

– Консул Латеран. – торжественно начал Амур и замолчал.

– Наконец-то! Консул Латеран! Его шаги! Сейчас он усладит тоскующий слух Сенеки!.. – И тут Нерон взглянул на Амура и в ужасе прошептал: – Ты молчишь?

Сенатор заржал.

– Нет! Нет! – патетически кричал Нерон.

– Трибун Флавий Сильван подошел к его дому, – начал Амур, – но Латеран уже позвал хирурга. И когда трибун постучал в дом почтенного консула – Латеран перерезал себе вены.

– Да что они, взбесились?! Какой ужас! И этот мудрец сбежал от нас!

– Но все имущество Латеран завещал тебе, Великий цезарь.

– Немедленно послать... – начал Нерон.

– Трибуна Флавия Сильвана... – продолжал Амур.

– За поэтом Луканом! – кричал Нерон. – За последним из мудрецов! Теперь он нам особенно желанен.

Амур потрепал сенатора по воображаемой холке и подсыпал ему овса в лохань.

– За то, что хорошо предсказываешь римских мертвецов, – засмеялся Амур и исчез с арены.

– Где этот чертов Тигеллин?! – неистовствовал Нерон. – Лучшие люди Рима режутся друг за другом!.. Крепись, Сенека! Вот придет Тигеллин.

Сенека хранил невозмутимое молчание.

– Ах, Сенека, – продолжал Нерон, – ушли безвременно два мудрейших гражданина. Но, я вижу, ты спокоен, ты никогда не боялся смерти, не так ли?

– Именно так, Цезарь.

– Да, да. Сколько раз ты беседовал со мной о бренности жизни. Ах, старые, добрые времена детства! Я так порой жажду твоих поучений. Так страшно умирать! Так прекрасны краски мира. В мире столько миленьких вещей.

Они стояли в свете факелов посреди арены и неторопливо беседовали.

– Да, краски мира прекрасны, но и они не наши. И сколько ни есть вещей в этом мире, все они чужие. Природа обыскивает нас и при входе, и при выходе. Голыми пришли, голыми уходим. И нельзя вынести отсюда больше, чем принес, – мерно звучал в темноте голос Сенеки.

– Как грустно. Как страшно будет умирать! – И Нерон внимательно посмотрел на Сенеку.

– Кто сказал, Цезарь, что умирать страшно? Разве кто-то возвратился оттуда? – усмехнулся старик. – Почему же ты боишься того, о чем не знаешь? Не лучше ли понять намеки неба? Заметь: со всех сторон в этом мире нас преследуют – то дыхание болезней, то ярость

зверей и людей. Со всех сторон нас будто гонят отсюда прочь. Так бывает лишь с теми, кто живет не у себя. Почему же тебе страшно возвращаться из гостей домой?

Нерон восторженно кивал в такт словам Сенеки, когда на арену выскочил Амур.

– Наконец-то! – воскликнул Нерон. – Солнце римской поэзии! Я слышу! Это его легкая поступь. Раскроем объятия поэту Лукану...

Но Амур безмолвствовал. Сенатор заржал.

– Как, и этот?.. – пробормотал Нерон.

Он отвернулся. Тело его задрожало от беззвучного смеха. Нерон начал хохотать. Он хохотал во все горло. Его распирало, коржило от смеха.

– Прости, Сенека. Я все понимаю. Но очень смешно. И Лукан позвал.

– Позвал хирурга, – трясся от хохота Амур.

– И велел вскрыть себе вены. А имущество. – погибал от смеха Нерон.

– Тебе. тебе, Великий цезарь! – катался от смеха по арене Амур. И Венера тоже смеялась – звонко и нежно, как колокольчик.

– Довольно, – вдруг коротко приказал Нерон.

И смех будто смыло. Наступила тишина. Нерон сумрачно глядел на Сенеку.

– Вот видишь, учитель, как осторожно надо выражаться. Ты сказал: «Они давно спят». И боги подстерегли твои слова – и получился каламбур. Как грустно. Где этот Тигеллин?

– Тигеллин приближается, Цезарь.

– Вот придет Тигеллин. Ну что же делать?! Кто из оставшихся в живых римлян сможет достойно беседовать с Сенекой?

Амур опустил глаза долу, пораженный грандиозностью вопроса. В тишине трещали факелы.

И тогда Нерон объявил:

– Я уверен, только один – сам Сенека! – И, не спуская глаз с Сенеки, Нерон приказал: – Немедленно послать за философом Сенекой.

Сенека был невозмутим.

– Будет исполнено, Цезарь, я пошлю трибуна Флавия Сильвана за философом Сенекой.

И Амур вприпрыжку исчез в темноте.

– Какая страшная ночь! Как много крови. – бормотал Нерон. И добавил благодушно: – Но мы прервались. Как прекрасно ты говорил о презрении к смерти. Продолжай, учитель.

– С удовольствием. Вспомни, как ты родился. как вытолкало тебя из утробы в мир величайшее усилие матери.

– Мама. Бедная мама. – зашептал Нерон, принякая к груди Сенеки.

– Ты закричал от прикосновения жестких рук, почуяв страх перед неведомым. Почему же потом, – продолжал Сенека, – когда мы готовимся предстать перед другим неведомым и покидаем теплую утробу мира, почему мы так боимся?

– Сладостна... сладостна твоя речь. – Нерон стонал от восторга.

– Девять месяцев готовится нас утроба матери для жизни в этом мире. Почему же мы не понимаем, что весь срок нашей жизни от младенчества до старости мы тоже зреем для какого-то нового рождения?

Амур с факелом выскочил на арену.

– Сенека! Спешит к нам! Его шаги! – закричал Нерон.

– Сенека. – начал Амур и умолк.

Сенатор заржал.

– Как?.. И Сенека?! – воскликнул Нерон.

Амур печально молчал.

– Ну, знаешь!.. Это даже не смешно!

– Трибун с гвардейцами подошли к дому Сенеки, – докладывал Амур. – И тогда философ собрал всех своих учеников. Потом Сенека погрузился в ванну. И в ванне сам перерезал себе вены. Истекая кровью и беседуя с учениками, философ Сенека испустил дух.

– Величавый конец, достойный Сенеки, который никогда не страшился смерти! – торжественно сказал Нерон.

– Сейчас я рассказал об этом в толпе у цирка. Теперь о смерти Сенеки говорит весь Рим, – закончил Амур.

– Как все призрачно, учитель. Этот мир – череда метаморфоз, не более. Где мальчик Спор, а где юная девица? Где сенатор, а где конь?.. Вот ты стоишь здесь живой, а о твоей смерти уже болтает весь город. – Нерон был ужасен. Стрдание изуродовало его лицо, и в глазах его были слезы. настоящие слезы. – Потому что совершилась моя последняя метаморфоза. Пока ты беседовал здесь живой – я превратил тебя в мертвеца, учитель!

– Это и была твоя плата? За этим меня позвал в Рим Великий цезарь? – по-прежнему невозмутимо спросил Сенека.

– Короче, как ты умер для истории, мы выяснили. Теперь остается решить, как ты умрешь на самом деле. Стоп!.. Прости! Есть еще один вопрос: за что ты умрешь? За какую вину? – И Нерон расхохотался. – Да что ж это мы все о смерти да о смерти! Поговорим-ка лучше о чем-нибудь веселом. Ну хотя бы о завтрашнем дне. Представляешь, утром весь Рим будет обсуждать смерть Латерана, Пизона, Лукана. Ну и, конечно, твою смерть.

– Как их будут жалеть! – вздохнул Амур.

– Нет, больше будут радоваться. Что сами живы, – усмехнулся Нерон. – Так уж устроены смертные. Ну а к полудню про вас забудут. Потому что начнутся Великие Неронии. Интересовать будет только бег колесниц!

Нерон ударил бичом.

И с гиканьем и хохотом Амур погнал по арене сенатора – запрягать его в золотую колесницу.

– После бега колесниц я задумал великие битвы животных. – И Нерон опять ударил бичом.

И в мрачном здании на краю арены распахнулись все двери. И в свете факелов в огромных клетках яростно забегали голодные звери. И в ответ на крики зверей из подземелья понеслись вопли людей...

– Слон сразится с носорогом. – перекрикивал Нерон вакханалию звуков, – лев – с тигром.

Рев толпы в подземелье все нарастал.

– Да! Да! – в восторге кричал Нерон. – И тогда на арену выйдут они, наши миляги, убойные люди! Речь! Цицерон!

Запряженный в колесницу сенатор патетически начал речь:

– О зрелище битвы на арене! Смотрите: вот побежденный гладиатор сам подставляет горло победившему врагу. Вот он выхватывает меч, дрогнувший в руке победителя, чтобы бестрепетно вонзить его в себя. Презрение к смерти и жажда жизни – вот что такое гладиаторский бой!

И сенатор заржал. Амур и Венера бешено аплодировали.

– Какое все-таки замечательное искусство наше римское сенаторское красноречие! – вздохнул Нерон. – Что там еще у нас ожидается завтра? Живые картины из жизни богов и героев! Это, как всегда, будет в центре внимания публики. Сначала покажем прелюбодеяние супруги царя Крита Пасифаи с быком, посланным Посейдоном. Этот номер особенно ценят наши римские зрители.

Нерон взглянул на Венеру. И Венера подошла к клетке, где стоял огромный черный бык с золотыми рогами. С нежным призывным воркующим смехом Венера посылала быку воздушные поцелуи.

– Кстати, после исполнения этой шлюхой роли Пасифаи я соберу сенат.

Сенатор с готовностью заржал.

– Да, да, единогласно! И эта девка займет место Рубирии, символа нашего целомудрия, – нежно улыбнулся Нерон. – Ну а потом, после живой картины любви, мы покажем живую картину героизма – «Мучения Прометея». Это будет центром всего зрелища. Сначала я сам прочту бессмертную трагедию Эсхила «Прикованный Прометей». А в это время Прометея, укравшего у богов огонь для людей и научившего нас всем искусствам, будут мучить. – Нерон дружески обнял Сенеку. – И вот здесь я хочу с тобой посоветоваться, учитель. Сначала я задумал мучить согласно преданиям: соорудить на арене скалу, приковать к ней Прометея и так далее, по традиции. Но в скале сейчас есть что-то старомодное. Мучения Прометея должны быть жизненны. Поэтому я придумал: мы распнем Прометея по-современному, – он величественно указал на золотой крест, – на кресте! Грандиозно?! Ну, после распятия и моего чтения на глазах ста тысяч восторженных зрителей Прометей начнет терпеть свои великие муки...

И тотчас деловито вступил Амур:

– Гефест проткнет ему тело шилом железным. Потом дрессированный ворон будет клевать печень.

Факел выхватил из темноты громадного ворона, сидевшего под крестом на цепочке.

– И вот тут-то и возникает главное затруднение. – И Нерон совсем дружески обнял Сенеку. – Кого взять на роль Прометея? Назначить из них? – Нерон указал на подземелье. – Не тот эффект!.. Я ведь и сам-то пытался исполнить роль Прометея. Правда, всего лишь на сцене. Помню, надел огромные котурны, чтоб быть всех выше. И тут актер Мнестр – великий был актер – он... – Нерон замешкался и взглянул на Амура.

– Перерезал себе вены, – напомнил Амур.

– Ах, Мнестр, бедный. Вот этот Мнестр, – болтал Нерон, – мне и говорит: «Ты хочешь сыграть Прометея высоким, а он был великим». Величие – вот ключ. Понимаешь, придется не только терпеть боль на глазах тысяч, но при этом еще оставаться богом – то есть терпеть мужественно, величаво. – И Нерон приткнулся к лицу Сенеки. – Кто сможет?

И на мгновение, на одно мгновение лицо Сенеки дрогнуло. И Нерон засмеялся и, оттолкнув Сенеку, продолжал болтать, болтать:

– Кстати, о богах. Я совсем забыл главную живую картину Нероний – это когда в цирке появляется земной бог – я!

И Нерон вскочил в золотую колесницу. И ударил бичом. Амур взял сенатора под воображаемые узды. И колесница с Нероном медленно тронулась по арене.

– Римляне от всей души приветствуют своего цезаря согласно установленному сенатором регламенту! – провозгласил Нерон и хлестнул бичом сенатора.

– Когда цезарь вступит в цирк, – пронзительно закричал сенатор, – с первой трибуны прокричат шестьдесят раз: «Цезарь, да сохраняют тебя боги для нас!!!»

И сенатор, с трудом волоча золотую колесницу, безостановочно заорал:

– Да сохраняют тебя боги для нас!!!

– Ну полно... полно, – говорил Нерон, скромно отмахиваясь рукой от приветствий.

Сенатор послушно замолчал.

– Продолжай, идиот, – прошептал сквозь зубы Нерон. И сенатор завопил с прежним воодушевлением:

– После чего с другой трибуны прокричат: «Мы всегда желали такого цезаря, как ты!!!» – сорок раз! А потом со всех трибун вместе «Ты наш цезарь, наш отец, друг и брат. Ты хороший сенатор и истинный цезарь!!!» – восемьдесят раз.

Нерон ласково кланялся пустым трибунам. Амур аплодировал. Венера, будто в экстазе, подхватила овации.

– Да, да, – шептал Нерон. – И вот тут-то начнутся аплодисменты. Ах, как я люблю аплодисменты! Ты не актер, Сенека, не понять тебе эту радость оваций! Ах, ласкающий самое сердце звук! Ну а потом.

Теперь Нерон сидел в императорской ложе. Сенека по-прежнему стоял внизу на арене. Венера и Амур бесконечно аплодировали, а сенатор, запряженный в колесницу, вопил свои приветствия.

– Да, да. – счастливо смеялся в ложе Нерон. – Я занял свое место и все вслушиваюсь, вслушиваюсь в эти сладостные звуки. И вот тут ко мне подходят, точнее, должны были подойти, четверо. Четверо твоих несравненных мудрейших друзей: сенатор Антоний Флав, консул Латеран, сенатор Пизон и поэт Лукан. А я все млею от оваций. И тогда сенатор Пизон в поклоне обнимает – точнее, должен был обнять – мои колени. А в это время великий Лукан передает мне их послание. Я, наивный человек, разворачиваю свиток, читаю. – Нерон развернул воображаемый свиток. – И тогда консул Латеран наваливается на меня сзади, хватая за руки. А сенатор Антоний Флав, твой четвертый друг, бьет меня ножом в сердце. – И Нерон выхватил нож из-под золотой тоги.

Сенатор в ужасе заржал и поволок прочь по арене золотую колесницу. В одно мгновение Нерон был на арене. Он схватил за горло сенатора.

– Нет, – вопил Нерон, – ты больше не Цицерон!! Ты вновь ублюдок – сенатор Антоний Флав, решивший убить своего цезаря! Ну, покажи нам, как ты хотел это сделать! – В бешенстве он засовывал нож в руки сенатора. – Коли меня! – Он разорвал на себе тогу. – Ну, бей меня! Никого нет! Только Сенека! Ваш друг Сенека, которого вы мечтали сделать правителем Рима! Он тоже поддержит! Пристукнет сзади ученика!.. Ну, смелее, мразь! – визжал Нерон, подставляя грудь под нож.

И тогда сенатор упал на колени и отбросил нож в сторону... Заржал.

– И это современный Брут, – усмехнулся Нерон. – О жалкий век! – И совершенно спокойно обратился к Сенеке: – Вчера на рассвете мне донесли о заговоре. Как ты думаешь, что сделал я, учитель?

– Я несведущ в подобных делах, и мне не отгадать, что сделал Великий цезарь, – невозмутимо ответил Сенека.

– Самым естественным было бы всех их за решетку, – радостно предположил Амур.

– Да, так поступили бы все прежние цезари, – благосклонно улыбнулся Нерон. – Но не я. Я знаю свой век. В наше время не нужно усилий: достаточно сделать так, чтобы заговорщики сами узнали, что заговор раскрыт. Ну, в прежние времена, конечно, сразу бы что-нибудь предприняли: выступили бы первыми или попросту сбежали. Но не ныне!.. Ныне они заперлись в своих домах и начали ждать, подставив шеи под приближающийся топор. Они улеглись в своих роскошных ваннах и позвали хирургов. Ты свидетель, Сенека: я только посылал к ним трибуна! И они поспешно резали свои тела, не забывая угодливо завещать имущество мне – своему убийце! Чтобы я не преследовал их жалкое потомство. – И он приблизил безумные глаза к глазам Сенеки. – Потому что этим городом давно правлю не я и не великие боги. А страх! И в этом городе страха давно перевелись люди. Осталось только мясо и кости людей. – Он засмеялся и объявил: – Мясо и кости сенатора Флава!

И сенатор, захлебываясь слезами и страхом, пополз к ногам Нерона.

– Когда его схватили, палач в ожидании прихода моего верного Тигеллина выложил перед ним свои орудия. Ну, что он там выложил? – И Нерон шаловливо-величественно поднял с арены кол. – Вот эта штучка так легко дырявит тело. И, пройдя насквозь, сладко щекочет гортань. – Нерон шутливо подбросил ногой вверх «зажим». – А эта – с хрустом давит суставы. И мясо и кости сенатора Флава обнимали мои колени, умоляя сделать с ним что угодно, только не отдавать его Тигеллину! Я смиловился. Оставил его в живых, превратив гордого сенатора в ржущего жеребца. Но не все ли равно, как называться мясу и костям?! Вот те, с кем ты был в заговоре, учитель! Что молчишь? – истерически, почти рыдая, кричал Нерон.

Амур подскочил к Сенеке с ворохом свитков. Он тыкал ему в лицо свитками. А Нерон продолжал орать:

– Это твои письма! У всех заговорщиков мы нашли твои письма! Где ты поливал грязью своего цезаря! – Он задыхался и вопил, уже обращаясь к Амуру: – Он писал их к некоему Луцилию!

Думал замести следы, старая лиса, – визжал Амур. Нерон схватил Сенеку за горло:

– Ты был с ними в заговоре? Отвечай! Отвечай!.. Мясо и кости Антония Флава – на очную ставку!

Сенатор попытался уткнуться лицом в опилки арены. Но крохотный Амур рывком за волосы поднял огромную голову сенатора.

– Он был с вами в заговоре? Ну, Цицерон! – кричал Нерон, избивая сенатора бичом. – Этот Сенека... старая рухлядь, которую я осыпал благодеяниями, хотел меня убить?

Сенатор молчал.

– Позвать Тигеллина! – завопил Нерон.

И тогда, задыхаясь, в слезах, сенатор заржал.

– Все кончено, Сенека! Тебя уличил твой друг – мясо и кости сенатора Флава!

Амур захохотал. И Нерон вдруг улыбнулся, обращаясь к Амуру:

– А все делал вид: дескать, не умею играть в метаморфозы. А сам еще как играл! Творил втихую превращение учителя в убийцу своего ученика. Но ты забыл, тварь, что я земной бог. И метаморфозы – это мой удел! И я превращаю тебя, несостоявшийся убийца Сенека, в мертвеца Сенеку!.. Теперь ты понял, за что – моя плата. Точнее, первый взнос. Вся плата выяснится далее. Сегодня у тебя будет длинная ночь, Сенека. Самая длинная в твоей жизни.

И Сенека ответил по-прежнему невозмутимо:

– Я благодарю тебя за плату, Цезарь.

– И еще поблагодари меня за то, что я не забыл твою постоянную дурацкую заботу о том, что скажут о тебе потомки. Именно поэтому я придумал эту идиотскую величественную смерть в ванне среди учеников! Остальное дополнит легенда.

– И за это я благодарю тебя, Великий цезарь, – сказал Сенека.

– Как он показывает нам, – засмеялся Нерон, – что не боится смерти! Ах, Сенека, – он обнял учителя, – я часто наблюдал смерть и скажу: одно дело – представлять смерть, и совсем другое – умирать. Особенно как умирают в наш просвещеннейший век. – И Нерон, уткнувшись лицом в лицо Сенеки, бормотал безумно: – Вот придет Тигеллин... Тигеллин – великий ученый. Он открыл закон.

И вдруг Нерон наотмашь ударил Сенеку по лицу. Старик вскрикнул, но тотчас спохватился. И вновь спокойное гордое лицо Сенеки глядело на Нерона. Нерон усмехнулся:

– Прости, учитель, но ведь промелькнуло, не правда ли? Но это только начало страха... А если с тебя сорвут одежду?

Одним движением Нерон бросил старика на колени. И Амур ловко закрепил его голову в деревянных тисках.

– Зажмут твою голову до хруста, – яростно шептал Нерон, усевшись на корточках рядом с Сенекой. – И обнажат твою тощую задницу! Ну какой может быть героизм в такой позе? Одна боль и стыд. Спроси у Цицерона. И опять, Сенека, опять у тебя промелькнуло. Нет, ты не виновен в этой своей слабости, просто повторяю: есть закон пытки. Его открыл наш верный Тигеллин. Звучит он так: каждый человек, обладающий богатством и почетом, обязательно не выдержит унижения и боли плоти. И чем больше были его достоинства и права, тем скорее. А ты у нас великий богач, один из самых уважаемых людей. Нет, Сенека, вопрос не в смерти, а в том, как наступит смерть. – засмеялся Нерон и поднялся.

Амур освободил голову Сенеки. Нерон помог Сенеке встать и благодушно закончил:

– «Но мы все исследуем» – как любил говорить мудрец Сократ, которым ты перекормил меня в детстве. И только тогда я расплачусь с тобою. Но придется торопиться, чтобы все успеть к приходу Тигеллина. Ведь нам определять, а ему – исполнять плату. За дело!

Амур церемонно подошел к Сенеке с золотым кубком в руках. И, поклонившись, высыпал из кубка ему на голову множество свитков.

– Это и есть, – усмеялся Нерон, – твои письма к Луцилию. Точнее, выдержки из них. Я составил из твоих писем краткий итог, как ты учил меня когда-то.

Амур наклонился, поднял с арены свиток. И сунул Сенеке.

– Прогляди. Это твои слова? – спросил Нерон.

Сенека как обычно невозмутимо проглядел свиток и бросил его на арену.

– Это мои слова.

– И отлично, – сказал Нерон. – Сейчас ты прочтешь все это вслух. Ну а мои ребята...

И тут Амур вынул из темноты золотую кифару. Наигрывая на кифаре, Амур – какой-то вдруг угловатый, странный – надвигался на Сенеку.

– Что с ним?! – в изумлении воскликнул Нерон. – Неужто?! Да это метаморфоза!.. Свершилась! Сенека, ты узнал? Это он – мой бедный братец Британик, которого я... Смотри, какой худенький, слабенький, с лицом юного бога. Помнишь, как он прелестно пел – мой сводный брат Британик?

И Амур запел.

– Говорят, я был влюблен в него и даже склонил его к греху, – причитал Нерон, лаская Амура. – Все сплетни! Он опять с нами – Британик живой! Британик! Британик! – звал Нерон.

– Неро-он! Нерон! – отвечал Амур. И оба они смеялись.

И, радуясь встрече братьев и тоже смеясь, Венера пошла по арене к Сенеке, вся какая-то новая – величественная, недоступная.

– О боги! И с ней – метаморфоза!.. Ты узнал ее, Сенека? Это целомудренное тело? Вспомнил?.. Как она была чиста! И не потому, что неопытна, а потому, что волей победила свои греховные женские наклонности. Ну?! Ну, это же моя жена! Моя бедная Октавия! Ты сам говорил, что она вылитая богиня Веста! Бедная Октавия, я ведь ее... тоже... Октавия! – кричал Нерон. – Октавия! Ты опять с нами!

И вдруг Венера расхохоталась. И разом ее походка изменилась, и бедра начали гулять. Она теснила Сенеку в греховном танце.

– Нет, это уже не Веста! – вопил Нерон. – Это метаморфоза!.. Смотри, праведник, я провожу линию вдоль ее спелой груди, живота, стройных полноватых ног. Получилась волна! Та самая сладострастная волна, из которой она родилась! Да, это – Венера, полная желания. Это она – моя мама! Ты сам всегда сравнивал маму с Венерой. Я сразу это вспомнил, когда увидел маму нагую со вспоротым животом. Сенека, к нам пришла мама! Мамуля, которую я тоже... Мама! Мамочка! Да, да, они все с нами, Сенека!.. Как прежде.

Из подземелья раздались крики.

– Ну конечно. Мы забыли об этих.

Нерон поволок Сенеку в центр арены. И наклонил его голову к решетке.

В подземелье веселье достигло апогея. Дым благовоний смешивался с копотью масляных ламп, блестели нагие, умащенные тела. Люди валялись на мраморном полу, отяжелев от вина, храпели на ложах, занимались любовью – все это в гоготе, в пьяных криках, столах.

– Эти лежат на шлюхах, жрут, пьют и орут, – зашептал Нерон. – Эти и есть толпа, точнее, великий римский народ, который нас с тобой окружал все эти годы. Теперь, по-моему, собрались все. Можно начинать. Ну естественно, роль Нерона буду играть я. Что ты устался?

– Я не понимаю, Цезарь, – сказал Сенека. Нерон усмехнулся:

– Помнишь, ты рассказывал мне в детстве историю, как умирал великий цезарь Август? Он собрал друзей, поправил прическу, старая кокетка, и спросил: «Как я сыграл комедию жизни? Если хорошо, похлопайте на прощание. И проводите меня туда аплодисментами». Так и мы с тобой сейчас... в ожидании Тигеллина сыграем комедию нашей жизни... Это нужно тебе, чтобы уйти, и мне, чтобы с тобой сполна рассчитаться. И быть может, проводить тебя туда аплодисментами. Да здравствует театр! Понятно, роль Сенеки будешь играть ты. Для этого я дал тебе твои письма.

– Кто же отважится сказать, хорошо ли мы сыграли комедию жизни? – спросил Сенека.

Нерон подошел к огромной золотой бочке.

За длинные седые волосы он вытянул из бочки человека.

Лицо старика с печальными глазами смотрело на Сенеку в свете факелов.

– Судья в бочке, – усмехнулся Нерон. – Бочку прислал мне с письмом префект Ахайи для завтрашнего, прости, уже сегодняшнего представления. Он пишет, будто этой бочке четыре сотни лет и она всегда стояла на торговой площади Коринфа. Уверяет, что в этой бочке когда-то жил сам Диоген. И с тех пор уже четыреста лет она не пустует: в ней всегда обитает какой-нибудь мудрец. О мудрости вот этого старца ходят легенды. Как тебя зовут? – спросил Нерон старика в бочке.

– Отойди, пожалуйста, ты заслоняешь мне солнце, – ответил старик.

– Но это сказал не ты. Тот, кто произнес это, звался Диогеном, – усмехнулся Нерон.

– Так было, брат, – ответил старик

– Меня следует называть Великий цезарь, – сказал Нерон, легонько ударив его бичом. – А как зовут тебя?..

– Диоген, – ответил старик.

– Перестань паясничать! Как зовут тебя?! – закричал Нерон, избивая старика бичом.

– Я боюсь, ты убьешь его, Цезарь. И все оттого, что плохо освоил мои уроки. Ты забыл, что было много Диогенов. Тот, который первым поселился в этой бочке, видимо, именовался Диоген Синопский. Во всяком случае, я вижу буквы на бочке. Те, кто наносил позолоту на бочку, пощадили эту старую надпись: «Превыше всего – ни в чем и ни в ком не нуждаться». Я когда-то рассказывал тебе, – продолжал Сенека спокойным, ровным голосом учителя, – у Диогена Синопского не было ничего, кроме плаща, палки и мешочка для хлеба.

– Ты сказал! – улыбнулся старик. – Но сначала он имел еще и кружку, брат. Пока однажды не увидел мальчика, который черпал ладонью воду из родника. И Диоген воскликнул: «Сколько лет я носил с собой эту лишнюю тяжесть!» Вот тогда-то он и выбросил свою кружку.

– Ну а потом был Диоген Аполлонийский, выходец с Крита, Диоген Вавилонский, Диоген с Родоса... Так что и он вполне может зваться этим же именем, – закончил Сенека.

– Какой же ты по счету Диоген, старик? Какое у тебя прозвище? – усмехнулся Нерон.

– Я с радостью тебе отвечу, брат.

Ударом бича Нерон прервал старика.

– Великий цезарь, – поправился старик, застонав от боли. – Все Диогены подновляли эту надпись на бочке. Я «Диоген первый, отказавшийся сделать это». Потому что нуждаюсь во всем. И еще меня называют «Диоген, никогда не покидавший своей бочки».

– И почему тебя тянет в это уютное гнездышко?

– Я не могу передвигаться, брат.

И снова последовал удар бича, и снова старик поправился:

– Великий цезарь. У меня перебиты суставы, я могу только ползать.

– Почему ты упорно зовешь меня братом?

– Потому что все люди – братья. Оттого они все нуждаются друг в друге.

– Так вот: я, твой брат, Великий цезарь, открою тебе, как ты будешь именоваться отныне «Диоген последний». Потому что в этой бочке никого и никогда больше не будет.

– Так не может быть, – улыбнулся старик

– Ее сожгут сегодня на рассвете. Ну а пока, Диоген последний, пока ты еще в бочке, смотри в оба! Сейчас ты увидишь великую комедию. Твой брат цезарь примет в ней участие и твой брат Сенека тоже. Согласись, не каждый день увидишь подобных актеров. Ну как, учитель, ты согласен на такого судью? – обратился Нерон к Сенеке.

– Как повелит цезарь.

– Тогда начинай. Читай свои письма. Ты прости, я осмелился убрать из них кое-какие длинноты. Ты пишешь красиво, но старомодно. А мы живем в торопливый век. Но, конечно, ты волен все восстановить в своем чтении. Ведь это ты играешь Сенеку!

Сенека задумался. А потом медленно раскрыл свиток и бесстрастно, будто читая чужое, начал:

– «Ты спрашиваешь, Луцилий, как я сделался воспитателем цезаря? Начну по порядку. Цезарь Нерон родился в Акции в восемнадцатый день до январских календ».

С диким воплем Нерон упал на арену к ногам Венеры. Голова его торчала между ног Венеры. Сенека в изумлении следил за ним.

– Чего уставился? – засмеялся Нерон. – Это моя роль! Я рождаюсь! Девять месяцев в утробе матери я жил ее похотливыми гнусными мыслями. И вот – воля! Я есть!

Сенека бесстрастно продолжал:

– «Когда Нерон родился, его отец, прославившийся гнуснейшими злодеяниями, воскликнул: «От меня с Агриппиной ничего не может родиться, кроме злополучия!».».

Нерон усмехнулся.

– «Отец Нерона скончался от водянки, оставив малолетнего сына и жену Агриппину. Агриппина, которая была в ту пору в возрасте цветущей женщины, позволяла старому цезарю Клавдию пользоваться ее ласками», – читал Сенека.

...Как видение, мелькнуло перед ним прекрасное женское лицо – и рядом одутловатое бабье лицо старика.

– «Когда же она сумела вступить в права законной супруги, то заставила старого цезаря усыновить Нерона и объявить его своим наследником. На одиннадцатом году жизни Нерона мне предложили стать его воспитателем. И я согласился».

...Тихий кроткий мальчик целует руку Сенеки.

– Ты много написал о моем роде, – усмехнулся Нерон. – За одну десятую Тигеллин сажает на кол. Зачем же ты сделался моим воспитателем, если от отца с матерью ничего не могло родиться, кроме злополучия?

– Я надеялся, Цезарь.

– Ты надеялся! Что плод волчьей любви можно превратить в домашнего пса? – засмеялся Нерон.

– Ты прав, Цезарь, это следует уточнить, – бесстрастно сказал Сенека. – Я думал тогда о Риме, о будущем государства. Я возмечтал воспитать юношу, уважающего сенат и наши древние законы! Который покончит навсегда со страшными временами прошлых деспотов – цезарей Тиберия, Калигулы и Клавдия. Душа моя жаждала уединения, но я отдал ее во власть суеты ради будущего Рима.

– Благородно!.. Но мы все это проверим, не так ли? Продолжай, учитель.

– «Однажды мать Нерона, Агриппина, – читал Сенека, – попросила меня привести к ней прорицателей-халдеев. Я привел. На ее вопрос о судьбе сына один из прорицателей ответил».

...Старик с лицом Зевса с греческой скульптуры стоял в покоях императрицы.

– Он будет царствовать, но он убьет свою мать, – сказал старик.

– Пусть убивает, лишь бы царствовал, – шептала в ответ прекрасная женщина...

– «И вскоре, подстрекаемая неистовой жаждой власти, Агриппина отравила старого цезаря Клавдия, чтобы возвести на престол сына», – невозмутимо читал Сенека.

И с воплем Нерон опять упал на арену. Он в судорогах катался по опилкам. В ужасе глядел на него Сенека. И, как собаки подхватывают лай, этот вопль тотчас подхватили люди из подземелья. Неистовые крики раздавались из-под земли.

– Слышишь! Они кричат! Они уже поняли: мама убила Клавдия. Они убьют ее! И меня! Я боюсь! Я боюсь! – вопил Нерон. – Что ты уставился? – спросил он Сенеку, поднимаясь как ни в чем не бывало с арены. – Будто забыл, как я вопил тогда в страхе? И что ты мне ответил? Это не записано в твоих мудрых письмах. Но нам с тобой все нужно знать – для точной оплаты твоих трудов. Что ты сказал тогда?

– «Не бойся, Цезарь, они кричат то, что всегда кричит римская толпа после смерти своих цезарей: “Цезарь Клавдий умер! Да здравствует цезарь Нерон!”»

– Но ты еще кое-что прибавил. Я жду!

– «И запомни, – невозмутимо продолжал Сенека, – никто не убивал цезаря Клавдия. Это дурные слухи, которые всегда возникают после смерти властителей. Твой отчим отравился грибами – и все!». Я сказал это, потому что ты, мальчик, не мог тогда понять всех отвратительных сложностей жизни. Тебя надо было успокоить. Ты успокоился, вышел к гвардейцам и произнес речь.

– Ну-ну-ну! Я по-прежнему вопил. – И он вновь бросился на арену и закричал: – «Мать убила отчима! Я знаю, и все они знают! Я боюсь! Я не смогу сказать речь!». Неплохо сыграно, не так ли? – расхохотался Нерон, поднимаясь с арены. – Великий актер Нерон!.. И что ты ответил мне, Сенека?

Сенека молчал.

– Да, ты промолчал, – усмехнулся Нерон. – И молча протянул мне написанную речь. И я понял: ты все знал! И написал эту речь заранее. Кстати, речь оказалась отличной. Речь – что надо! – И он взглянул на сенатора.

– «Гвардейцы! Я, ваш цезарь». – тотчас темпераментно начал сенатор.

– Не надо! Все речи одинаковы, – усмехнулся Нерон. – Давай сразу – что они завопили после моей, то есть его речи?

– «Цезарь Клавдий умер. Да здравствует цезарь Нерон!» – двадцать раз! «Мы всегда хотели такого цезаря, как ты!» – двадцать раз. «Ты наш цезарь, отец и брат! Ты великий сенатор и истинный цезарь!» – сорок раз! – кричал сенатор.

– Да, да, – шептал Нерон. – Вот с этими воплями приветствий они несли меня в сенат. Я помню: белый страх... и ржание лошадей...

И Сенека увидел: Нерон плыл на руках гвардейцев среди поднятых мечей и бронзовых римских орлов.

– И я вышел из сената – цезарь, осыпанный всеми почестями. Только звание «Отец отечества» я отклонил. Чтобы все поняли, как скромненький новый цезарь. Так мне посоветовал учитель Сенека, ловчила Сенека. Продолжай!

И вновь Сенека бесстрастно читал:

– «Ты спрашиваешь, Луцилий, правду ли говорят, будто я сочинил речь для цезаря? Нерон познал все тонкости эллинской философии, у него блестящая память – надо ли мне за него сочинять?»

Нерон засмеялся.

– Я хотел, чтобы нового цезаря любили в Риме, – глухо сказал Сенека. – И еще – ты не хотел, чтобы в Риме не любили тебя.

– Продолжай! – ответил Нерон.

И Сенека продолжал свое бесстрастное чтение:

– «Я уверен: цезарь вырастет добродетельным юношей и уйдут в невозвратное прошлое страшные времена Тиберия – Калигулы – Клавдия. И пусть слухи о сомнительных выходках молодого цезаря не лишены оснований – будем надеяться, что все это минет с возрастом. Хотя не могу не сказать с сожалением, что молодой цезарь поддается дурным влияниям. Особенно всех тревожит недавнее появление при дворе некоего Софрония Тигеллина».

При этих словах Амур изобразил совершеннейший ужас – и они с Венерой попятнулись в темноту.

– Вот и пришел Тигеллин, – забормотал Нерон.

– «Этот Софроний Тигеллин, – продолжал читать свиток Сенека, – недавно вернулся из ссылки. Он был отправлен туда еще в правление цезаря Клавдия за то, что обольстил юную Агриппину, мать Нерона. К общей печали, цезарь назначил Софрония Тигеллина, запятнавшего себя бесчисленными пороками, начальником тайной полиции. И теперь имя Тигеллина постоянно на устах молодого цезаря».

Нерон засмеялся.

– «Отмечу любопытную подробность: Тигеллин никогда не появляется на людях. Его нигде никто не видит. Он живет затворником в собственном дворце, ибо болен общей манией всех злодеев – постоянным страхом покушения на свою проклятую жизнь».

– Как интересно, – прервал Нерон. – Это твое письмо найдено у консула Латерана. Но ведь консул жил в Риме. Он знал о Тигеллине столько же, сколько и ты. Зачем же ты пишешь ему то, что он отлично знает?

Сенека безмолвствовал.

– Это не просто письма, – зашептал Нерон. – Ты писал их для потомков!.. Это твое оправдание, тщеславный учитель. Как я тебя знаю!.. Тебя так никто не знает!.. Продолжай!

– «И все-таки я с верой гляжу в будущее, – спокойно продолжал Сенека. – Я надеюсь, что воспитание, которое получил цезарь, возьмет свое. Нерон переберется – и Рим получит Великого цезаря. Главное уже достигнуто: Нерон желает стать первым цезарем, который вернет римскому сенату права и власть, отнятые Тиберием, Калигулой, Клавдием».

– Но Тигеллин сказал... – начал Нерон и остановился. – Кстати, кто представит Тигеллина в нашей комедии? Ты с ним так и не встретился?

Он уставился на Сенеку.

– Нет, Цезарь.

– Ни разу?.. Ай-ай-ай! Столько лет живете в Риме бок о бок – и не сумели познакомиться! Значит, роль Тигеллина может сыграть любой: Сенека не знает его лица.

Амур выскочил из темноты:

– Я – Тигеллин! – И он сделал свирепое лицо и расхохотался.

– Скоро придет сам Тигеллин, – улыбнулся Нерон. – И с успехом сыграет свою роль. Так что спешите читать, Сенека.

– «Главное – терпеливо и непрестанно объяснять Нерону, в чем он не прав. Недавно мы долго сражались с цезарем из-за его поздних возвращений и ночных бесчинств».

...Нерон – в грязном рубище, в колпаке вольноотпущенника с компанией таких же переодетых знатных молодых бездельников. Они набросились на подвыпивших людей, выходящих из кабака. Они бьют палками беззащитных людей, топчут их ногами. Вопли, крики боли и хохот цезарской шайки.

– Ну, немного побесчинствовал... – вздохнул Нерон. – Ну, попугал запоздалых горожан. Ну, убил двух-трех в драке. Разве лучше, если б они меня убили?

Сенека печально посмотрел на Нерона.

– Да, да, – сказал Нерон. – Вот так же укоризненно ты смотрел на меня тогда, учитель. И мать. А Тигеллин – никогда. Ах, Сенека, ты любил меня за власть, которую я дам тебе и римскому сенату. Мать – за власть, которую я ей уже дал. И только Тигеллин любил меня ради меня самого. Кстати, Тигеллин сказал... что мать повсюду объявляет: коли я по-прежнему буду бесчинствовать, а также следовать твоим советам в государственных делах, я перестану быть Цезарем! Она заменит меня братом Британиком... – Нерон помолчал и добавил тихо: – Я произнес все это, и посмотрел на тебя. И ты все понял, потому что трудно не понять взгляд волка. Что ты мне ответил тогда?

Сенека молчал.

– Точно! Промолчал, добродетельнейший из смертных!.. А потом мы встретились на дне рождения Британика. Как он пел в тот день...

Амур с золотой кифарой в руках вышел из темноты. И запел.

– А потом Британик захотел пить, – сказал Нерон.

И Сенека вновь увидел всю сцену, как тогда со своего ложа. Предвкушатель поднес Британику горячее питье. Британик отпил глоток и попросил остудить. Предвкушатель, усмехаясь, долил в питье воду и поднес кубок Британику.

На арене Нерон протянул кубок Амуру. И Амур выпил – до дна.

– А мы с тобой продолжали нашу беседу, учитель. И конечно, о добродетели, как всегда. Ты закончил тогда книгу, написанную специально для меня, – «О долге цезаря». В тот вечер ты читал мне начало. Ну, вспомни свои слова! И тогда вернется моя цветущая юность! Ах, это возможно только в театре! Спешите видеть: величайший артист Нерон и артист Сенека играют сегодня Комедию жизни! – И добавил строго: – Я жду!

И Сенека, стараясь оставаться невозмутимым, начал:

– «Сила цезаря – в его умении служить своему народу!»

Нерон одобритительно кивал, и Сенека продолжал:

– «И чтобы страшные ушедшие времена Тиберия – Калигулы – Клавдия никогда не повторились, цезарь обязан научиться уважать человека. Отныне и навечно: человек для человека должен стать святыней!»

И тогда раздался вопль Амура. Амур упал на арену и в муках и судорогах катался по сверкающим опилкам.

– Да! Да! – сочувственно сказал Нерон. – Все произошло при этих замечательных словах.

Амур затих.

– Мертв? – в ужасе прошептал Сенека.

Нерон засмеялся:

– Но Британик был тоже мертв!.. Я не пожалел царственного брата – зачем мне жалеть этого порочного раба?.. Ты все никак не можешь понять, учитель: мы всерьез играем Комедию жизни.

– Я не хочу умирать!.. Я не хочу! – закричала Венера.

– Да, да, вот так же кричала мама, глядя на мертвого Британика...

Венера упала на колени, она обнимала ноги Нерона:

– Я боюсь! Я не хочу!

– Ну – точно! Вылитая мама! Как она испугалась, бедняжка, в тот день. Продолжай, Сенека. А мы займемся уборкой тел.

И, оттолкнув Венеру, он поволок с арены во тьму легкое тельце Амура.

И вновь бесстрастно читал Сенека:

– «Луцилий! Чем дороже груз, которым владеет путешественник, тем более он заботится о спокойствии воли и благодарен Нептуну за это спокойствие. Так и философ: ему нужен мир в государстве, чтобы размышлять в покое, – и он благодарен тому, кто дарует этот мир. Вот отчего я так забочусь о силе цезаря и славлю его власть!»

– Я не хочу! Я не хочу! – ползала по арене Венера.

– «Ты пишешь, – продолжал невозмутимо Сенека, – что он истребляет свою семью? Зато в его правление не подвергается посягательствам жизнь и свобода частных граждан. Зато совершенно исчезли политические процессы. А вспомни страшные времена Тиберия – Калигулы – Клавдия!»

– Как я люблю эту твою присказку, – улыбнулся Нерон.

– «Ты спрашиваешь, Луцилий, справедливы ли слухи об убийстве Цезарем Британика? Надеюсь, что нет. Но даже если так? Каков выход? Принять сторону его матери, мечтавшей заменить Цезаря слабовольным, юродивым Британиком и властвовать самой? Но это означало бы вновь вернуть Рим в страшные времена Тиберия – Калигулы – Клавдия».

– Но Тигеллин сказал, – начал Нерон и зашептал, указывая на Венеру. – Это все она! Мать! Мать натравила меня на Британика! Брат – ее жертва!

И Сенека вновь увидел Нерона тогда, в анфиладах дворца. И услышал его отчаянный шепот: «А знаешь, зачем она это сделала? Чтобы Рим узнал и меня ненавидел! Но Тигеллин сказал: она плетет заговор. Тигеллин сказал: мать подошлет ко мне убийц!»

– И что ты мне на это ответил тогда, Сенека? – спросил Нерон.

– Я боюсь! Боюсь! – кричала Венера.

Сенека молчал.

– Да, промолчал, опять промолчал, все прочитав в глазах волка. Бедная мама, ты помнишь, как это было.

– Не надо! Я не хочу! Я боюсь! – визжала Венера.

– Успокойся, шлюха, – усмехнулся Нерон. – Я не видел, как убивали маму. Мама! Я ее любил. Презирал, боялся – и любил!.. И когда ты молча согласился на ее убийство – вот тогда я до конца тебя возненавидел! Ах, Сенека, какая это была женщина! Сколько я совершил покушений на ее жизнь? И она все-все избежала! Интуиция! И как живуча! Ну – кошка! В тот день она навестила меня на вилле, и я посадил ее на корабль. Корабль должен был развалиться в открытом море. И развалился. Но мама выплыла... Вот тогда я послал к ней убийц. Помнишь – осень, мы с тобой сидим у нашего камелька. Ты, как всегда, беседуешь со мною о добродетели. А я жду известий о маме. Знаешь ли ты, что такое ждать убийства матери? – И Нерон опустил у ног Сенеки и шептал: – Не оставляй меня, учитель! Говори! О путях самосовершенствования! Ну! Как тогда! Говори!!!

Сенека глухо начал:

– Есть три пути самосовершенствования. Путь размышления – самый благородный.

– Ах, как мудро!

– Путь подражания – самый легкий. И путь опыта – самый трудный.

– Да. Да. А я представлял: они уже отворяют двери в ее покои.

...И центурион обнажил меч. Прекрасная женщина не защищалась. С достоинством обратилась она навстречу оружию:

– Бей в чрево, которое его выносило.

– Движение руки с мечом – и последний вопль.

– Не надо, – вопила на арене Венера. – Я боюсь!

Нерон ползал у ног Венеры, обнимал ее ноги, шептал:

– Мама. Бедное чрево. Я убил маму.

Он повалил Венеру в сверкающие опилки, он осыпал ее поцелуями.

– Мама. Тебя нет!.. Посмотри, какая у нее грудь, Сенека! Мама была Венера! А как она хотела царствовать! Она боялась моих баб. Она так хотела царствовать, что ложилась со мною в одни носилки! Она соблазняла меня!

– Замолчи, Цезарь!

– А ты опять не выдержал, – засмеялся Нерон. – Да, мама лежала мертвая, а я стоял над нею. и, хохоча и плача, обсуждал ее прелести. Но боги молчали. Почему они всегда молчат? Может, они, как и ты, молча одобряли? Ну, судья, брат Диоген последний, почему не ударила молния в нечестивца?

– Ты – сказал?.. – ответил старик в бочке.

– Не понял! – усмехнулся Нерон и с размаху, страшно ударил его бичом.

– Не бей его, Цезарь. Он все объяснил, – сказал Сенека. – Он считает, что видимый мир – это всего лишь наше испытание.

– Я не знаю, то ли он сказал. Но ты, Сенека, как всегда, промолчал... И мы учтем это, определяя твою плату, – усмехнулся Нерон.

Из подземелья неслись негодующие крики.

– Ты слышишь, Сенека? – взвизгнул Нерон. – Они пришли за мной! Весь город знает: я убил маму! Весь Рим на ногах!

Крики из подземелья раздавались все громче, и Нерон бросился к центру арены.

– Когорты окружают дом! Они приговорят меня к казни матереубийц: они посадят меня в мешок с собакой, змеей и обезьяной! И сбросят в Тибр! Я боюсь!.. А все Тигеллин. Это он натравил меня на маму! И ты это тоже хотел! Вы оба меня с ней ссорили! «Я боюсь!» – Нерон засмеялся. – Так я вопил тогда.

Он взглянул вниз – сквозь решетку.

Опустел пиршественный стол, пустые кубки валялись на мраморном полу. Люди кричали и били пустыми кубками по гулкому полу.

– Ну конечно! Им забыли добавить жратву и питье. И они негодуют, – усмехнулся Нерон, обращаясь к Амуру.

Амур бросился в темноту – исполнять приказание.

– Сейчас, милаги, сейчас, сердечные. – Нерон уже обращался к Сенеке: – И что ты мне ответил тогда?

– «Все обойдется, Цезарь. Я написал твою речь, – спокойно сказал Сенека. – Сейчас войдут сенаторы, и ты прочтешь. Они ненавидели твою мать. Они будут с тобою, Цезарь».

Нерон взглянул на сенатора, и сенатор тотчас прокричал речь:

– «Раскрыт заговор. Было решено убить цезаря и уничтожить великий сенат. Можно сжечь Рим, но можно его отстроить заново. Ибо не камни составляют душу Рима. Жив римский народ, и величаво стоит Рим – пока жив сенат. С болью и печалью сообщаю вам, сенаторы, что во главе заговора стояла наша мать Агриппина».

– Грандиозно! С каким чувством я прочел твою речь!

Сенатор завопил:

– «Да сохранят тебя боги для нас, Великий цезарь!» – десять раз. «Мы всегда желали такого цезаря, как ты!» – десять раз. «Ты наш цезарь, отец, друг и брат! Ты хороший сенатор и истинный цезарь!» – двадцать раз. Сенаторы! Предлагаю поставить дары в храмах за спасение цезаря и отечества!

Из подземелья уже раздавались восторженные крики.

– А ты прав, Сенека! Против меня проголосовали только трое сенаторов. Утром их нашли с перерезанным горлом. Говорят, разбойники. – И он обнял Сенеку. – А вообще я рад, что мамы больше нет. Теперь наконец-то я смогу спать с Пoppеей Сабиной. Мама не любила ее! Я знаю, ты тоже. О ласки Пoppей Сабины! О ее тело! Согласись, Сенека, она очень похожа на маму – ну совершеннейшая Венера. – И он притянул к себе Венеру, и тоже обнял ее – другой рукой. – Прекрасная Пoppея... Знаешь, Сенека, она уговаривает меня убить мою жену, добродетельную Октавию. Кстати, Тигеллин сказал.

– Октавия была прекрасная женщина! – тихо сказал Сенека.

– Да, да, ты всегда любил Октавию. Но знаешь ли, старик, что такое ночи Пoppей Сабины? Мое сердце разбито! О сердце артиста! Я решил вернуться к игре на кифаре. Представляешь, Сенека, пока я был занят – убивал маму, сколько лавровых венков нахватали мои соперники! Опять у тебя недовольное лицо. И Пoppея тебе не нравится, и кифара. А знаешь, Сенека, я убил маму, чтобы впредь не видеть вокруг себя недовольных лиц. И чтобы ты не докучал мне своей перевернутой рожей, я отправлю тебя отдохнуть на курорт в Байи. Полечись в Байях, Сенека! Наш писатель, наш классик Сенека. Прости, ты еще не классик. Чтобы стать классиком – нужно умереть. Читай!

Сенека невозмутимо читал свиток:

– «Дорогой Луцилий! Агриппина была ужасная женщина, и хотя смерть ее тоже ужасна, как всякая насильственная смерть, – но, выбирая между двумя ужасами, мы, граждане, не смеем не думать о благе отечества. Победы Агриппина – и тотчас вернулись бы страшные времена Тиберия – Калигулы – Клавдия. Поэтому восславим судьбу за победу цезаря! Ты пишешь о слухах, об убийствах сенаторов, голосовавших против Нерона. Нам пристало думать не о слухах, а о пользе отечества. Это порой так нелегко, поверь. Ты пишешь, что цезарь все свирепеет и злодеяния его все ужаснее. Да, он бесноватый гуляка, но это природное свойство его натуры. Я хорошо изучил его и знаю: чтобы его унять, надо терпеть. Только терпимость и нравственные беседы размягчают его душу. Надо помнить, что рядом с ним стоит страшная тень Тигеллина, потворствующая его порокам. И хотя этот маньяк Тигеллин до сих пор не показывается на людях, я знаю, они видятся с цезарем каждый день. Сколько усилий и красноречия надобно тратить в борьбе за душу цезаря. О, если бы не судьбы отечества, я давно покинул бы постылый Рим».

Нерон слушал Сенеку. И ласкал, ласкал Венеру. Нежный смех Венеры раздавался в ночи.

– Ну продолжай, Сенека. – шептал Нерон.

– «Как я счастлив теперь в Байях, хотя приходится терпеть много неудобств, столь обычных для наших модных курортов. Моя гостиница расположена прямо над лечебными водами. С утра пораньше под моим окном здоровые – шумно занимаются гимнастикой, больные – стонут, служители – с криками мчатся с полотенцами, и кто-то с воплями бьет вора, укравшего чужое платье. Ночью меня будят крики с озера – там до утра раздаются визг женщин и похабные крики мужчин. Да, наши замужние Пенелопы недолго носят на курорте в Байях свои пояса верности... Но все искупают часы заката, когда краски неярки, но прекрасны. При виде догорающего солнца, умирающего дня покой и гармония объемлют душу. И вновь постигаешь: нет, мы не умираем – мы только прячемся в природе! Ибо дух наш –

вечен. Ох, побыстрее бы в гавань! Чего желать? Что оплакивать в этом мире? Вкус вина, меда, устриц? Но мы все это извели тысячи раз! Или милости Фортуны, которые мы, как голодные псы, пожираем целыми кусками – проглотим и вкуса не почувствуем? Все суета! Пора! Прочь из гостей! В гавань! В гавань!»

– Но Тигеллин сказал, – нежно засмеялся Нерон, лаская Венеру, – я не смогу жениться на Поппее Сабине, пока жива моя жена Октавия. С Октавией нельзя развестись: она принадлежит к роду цезарей.

– О боги! – прошептал Сенека.

– О тело Поппеи Сабини! – улыбался Нерон, все лаская Венеру. – Она лежит в ванне, с лицом, намазанным особым тестом, замешенным на ослином молоке. Это – для блеска кожи. С кусочками мастикового дерева во рту. Это – чтобы дыхание ее благоухало.

И, отвечая на ласки Нерона нежным смехом, Венера вдруг выскользнула из его рук.

– Она не пускает меня на ложе! – завопил Нерон. Венера смеялась.

– Ты не станешь спать с цезарем, пока жива Октавия?

Венера хохотала.

– Какая мука! – И Нерон зашептал Сенеке: – Но Тигеллин сказал.

И тотчас Венера приникла к цезарю.

– Гляди, учитель, она сразу стала веселой, счастливой, моя Поппея Сабина. Ну, читай, читай свое письмо об Октавии. Моя Поппея жаждет!

– «Луцилий! – Сенека по-прежнему старался читать бесстрастно. – Страшное известие поджидало меня по возвращении из Байев: по приказанию цезаря убита добродетельная Октавия».

Венера смеялась, Венера ворковала.

– О счастье! О радость! – кричал Нерон. – Поппея дозволила себя ласкать. О ласки Поппеи Сабини! Ну читай, читай! Ей так нравится это твое письмо!

– «Несчастной Октавии перерезали вены на руках и ногах, – монотонно читал Сенека. – Но от страха ее кровь оледенела в жилах и не сочилась из ран. И тогда, чтобы ускорить смерть Октавии, ее отнесли в горячую баню. Как она молила о жизни! Но тщетно: она была виновна в том, что цезарь желал жениться на Поппее Сабине...».

Нерон ударил бичом.

Сенатор заржал и яростно завопил:

– Сенаторы! Великий цезарь уличил свою жену Октавию в прелюбодеянии с жалким рабом и в заговоре против сената. «Да здравствует цезарь! Да сохраняют тебя боги для нас!» – тридцать раз. «Мы всегда желали такого цезаря, как ты!» – тридцать раз. «Ты наш отец, друг и брат! Ты хороший сенатор и истинный цезарь!» – шестьдесят раз.

Он заржал и замолк.

Сенека неподвижно стоял на арене со свитком в руке.

Нерон бесстыдно ласкал Венеру.

– Смотри, Сенека, весь мир в этих влажных губах. – шептал Нерон.

Венера смеялась, отвечая на ласки Нерона.

– Как она льнет. Неужто этот смех, эти крутые бедра не стоят холодной крови худосочной Октавии?

Венера заливалась счастливым смехом.

– Как она счастливо глядела тогда на отрезанную голову Октавии! Как удобно жить в наш просвещенный век быстро стали ездить колесницы! Только убили – и уже несут тебе отрезанную голову на золотом блюде. О мое тело! Оно повелевает своим цезарем. Оно победило!

Торжествуя, смеялась и Венера.

– Как я люблю радость на человеческом лице. Человек смеется – ему кажется, что он распоряжается своею судьбою, – шептал Нерон.

И, лаская Венеру, он вынул нож из-за ноги и нежно щекотал ее этим ножом. И, откликаясь на эту странную ласку, Венера смеялась, смеялась, смеялась. И когда смех ее стал безудержным, безумным – Нерон ударил ее ножом. В сердце. Без стога Венера упала навзничь, на арену.

– А этот смех был последним, – сказал Нерон.

Сенека в оцепенении глядел на застывшую в сверкающих опилках Венеру. Нерон улыбнулся.

– Каждый раз ты так смешно пугаешься, будто впервые видишь убийство. – И Нерон потащил Венеру за ногу, как куклу, прочь с арены. – Понимаешь, Поппею надо было убить. Римский народ ее ненавидел. А ты учил: цезарь должен думать прежде всего о благе народа. Кстати, это убийство единогласно одобрил наш сенат.

– «Да здравствует цезарь!» – тридцать раз. «Мы всегда желали такого цезаря как ты!» – тридцать раз. «Ты наш отец-други брат ты хороший сенатор и истинный цезарь!» – восемьдесят раз! – вопил сенатор, страшно, без пауз.

– Это не речь! – зашептал Нерон в восторге. – Он ржет! Свершилось! Сенатор превратился в коня! Я вывел новую породу: сенаторы-кони... Я поставлю в сенате мраморные стойла! Грандиозно!

Из темноты выскочил Амур.

– Ночь на исходе, звезды меркнут, Цезарь.

– Он прав, – сказал Нерон и ударом ноги опрокинул кубок со свитками. – Скоро придет Тигеллин, а сколько ты еще не прочитал, учитель? – Он торопливо проглядывал оставшиеся свитки, бормоча и швыряя их обратно на арену: – «Вчера убит сенатор Цезоний Руф...». Ну, это ясно! «Вчера удушен консул Корнелий Сабин». «Вчера убит Децим Помпей». Как скучно! «Вчера умер богач Ваттия. Он умер своею смертью – вещь удивительная по нынешним временам». «Вчера умерла Поппея Сабина». Как я любил мою Поппею. Как я страдал. Читай это письмо, Сенека! А я буду вспоминать ее ласки. Это будет твое последнее письмо. Пора определять плату.

– «Говорят, что Поппея, – невозмутимо начал Сенека, – с неодобрением отзывалась об игре Нерона на кифаре. И тогда цезарь в порыве бешенства зарезал ее. Это ужасно. Но было бы еще ужаснее, если бы ее влияние на цезаря продолжалось. В какое страшное время выпало нам жить, Луцилий, если мы все время должны выбирать между разными степенями ужаса!»

– Дальше, дальше, – торопил Нерон, в нетерпении разгуливая по арене.

– «Ты пишешь, Луцилий, что мой родственник, великий поэт Лукан, прославляет цезаря».

Так! Так! – усмехался Нерон, торопя чтение.

«Тебе трудно его понять, Луцилий, ты далек от власти. Лукан, напротив, к несчастью, к ней приближен. А ныне в Риме всякий, кто ежечасно не прославляет цезаря, тотчас становится подозрительным – и немедля погибает! И тогда темнее небосвод и страшнее зловещая тень Тигеллина!»

– Bravo! Дальше!

– «Ты спрашиваешь, Луцилий, долго ли продлится это страшное время? Я отвечу: пока жив цезарь. Цезарь же молод, поэтому для нас это время – навечно. Как удачно сказал некто о цезаре и нашем времени: «Комедиант, играющий на кифаре».

– Вот!!! – закричал Нерон. – И кто же этот «Некто»?..

Сенека молчал.

– Ты оберегаешь его, – усмехнулся Нерон. И уставился на сенатора. – Кто поверит, что недавно он был храбр, грозен?.. А ныне жрет овес в стойле... А ну-ка, повторяй, Цицерон, что ты сказал обо мне, когда тебя звали Антоний Флав?!

И сенатор заржал, упав на колени.

– Он разучился говорить! – хохотал Нерон.

– Я приду ему на помощь и повторю то, что он говорил тогда о тебе, – сказал Сенека. Размеренно, неторопливо он произнес: – «Комедиант, играющий на кифаре, оскорбляющий святыни своего народа, запятнавший себя всеми видами убийств, спокойно разгуливает без охраны по Риму и вот уже второй десяток лет стоит во главе государства. Что из того, что он истребил лучших людей? Чернь развлекается и, главное, сыта. Что стало с римским народом, который за сытость соглашается жить в крови и позоре! Подлое время!» Я же добавлю от себя так, Луцилий: о жалкая толпа, не думающая о будущем. И когда падет Великий Рим, а Рим падет. Они проклянут не тех цезарей, которые превратили Рим в гнойную опухоль, а того последнего, жалкого и невинного властителя, при котором разразится катастрофа!»

Сенека замолчал. Молчал и Цезарь.

– Вот и окончилась Комедия жизни. Ты прочел все, учитель, – сказал наконец Нерон.

– Ты утверждал, Цезарь, – усмехнулся Сенека, – что составил итог из моих писем, отнятых у мертвецов. Но ты попросту сократил одни письма и соединил с другими. И получилось последовательное течение нашей жизни, не более. А итог нужен, ты прав. Я твой учитель, я приду к тебе на помощь. – И, помолчав, Сенека начал: – «Луцилий, вчера я вспомнил свои письма к тебе. Как стыдно! Неужто совсем недавно я был таков? Что делать философу во всей грязной каше? Нет, покой, только один покой дает нам возможность размышлять об истине. А так ли поступает Цезарь, и кого они еще убьют вместе с Тигеллином – не все ли равно? Думай о настоящем. Будущим распорядишься не ты».

Нерон засмеялся.

– «Ты пишешь, – продолжал Сенека, – что вчера еще кого-то убили. Мне его жаль. Но если бы они его не убили – разве итог его жизни был бы иной? Нет, Луцилий, смерть поджидает всех: и нас, и палачей наших. Всем придется сбросить эту временную телесную оболочку, чтобы вернуться в дом свой. С восторгом я ощущаю, как старость проникает сквозь оболочку моего тела, ведя за собой вооруженную смерть. Близится дом. И я не позволю скорби исказить открывшуюся мне гармонию».

Крики, вопли неслись из подземелья. Нерон хохотал. А Сенека невозмутимо продолжал:

– «Достичь гармонии трудно, но достичь ее среди стонов и крови – во сто крат труднее... Будем же думать не о теле, которым легко распоряжаться властителям мира, но о душе и вечности, им неподвластной. Тогда до конца постигнешь слова древних: «Кто борется с обстоятельствами, тот поневоле становится их рабом». На прощание прими от меня в дар слова философа: «Мы учим не терять». А нужно учить: «Будь счастлив, все потеряв». И еще: «Все заботятся жить долго, но никто не заботится жить правильно».

– Прости. – задыхаясь, сказал Нерон. – Очень смешно. Ты так важно читал о гармонии, среди горы трупов. Гляди, лежат повсюду: мама, Пoppея, Октавия, там Британик. А это – Лукан, Пизон. Там – актер Мнестр. Тысячи!..

...И Сенека увидел: бесконечные ряды белых ванн, уходящих во тьму. И руки с перерезанными венами. И капала кровь.

– А над нами, – продолжал хохотать Нерон, – ты читаешь итог – как финал высокой трагедии. Опомнись, учитель! И подумай: величайший моралист воспитал величайшего убийцу. Да это комедия, Сенека! Смешная до колик!

– Но я учил тебя любви! – закричал Сенека. Впервые за долгую свою жизнь он кричал: – Только любви! С детства!

– Ты учил меня лжи, – усмехнулся Нерон. – А научил – ненависти. К благопристойным словам, к жалкой вашей морали!.. Но я открою тебе тайну: я давно отвергаю ваш мир! Благонамеренный, сытый мир! Знаешь ли ты, старик, как становятся богом? Я рос как все смертные: заброшенный мальчик, жаждавший любви. Как я хотел, чтобы ты любил меня, мой учитель. И ты говорил, говорил, что любишь. Но я уже тогда знал: лжешь! Любовь – это солнце! А ты – ледяной старик. Нет, ты любил не меня, а свое орудие, свою будущую власть! Как я мечтал о любви матери. И вот однажды не вовремя я зашел в ее покои. Я увидел ее бесстыдные голые ноги.

Обольстительное лицо женщины вновь возникло перед Сенекой, и потная спина мужчины на ложе.

– С ней был Тигеллин, – шептал Нерон, – а я глядел, глядел на ее лицо. И не мог наглядеться! Она не сразу увидела меня. Наконец – увидела! И вопль! Ненависть! В тот день я понял: моя мать меня не любит. Но я уже не мог забыть – яростное солнце на запрокинутом женском лице! Так я узнал, какое лицо бывает у женской любви. Я захотел этой любви – к себе. Я заговорил с тобой, учитель, о любви женщины. Ты сказал: женская любовь дешева, ее можно купить и тем преодолеть, чтобы очистить душу для подлинной духовной любви, а потом как-то незаметно...

...Рука Сенеки вкладывает золотую монету в тщедушную ручку мальчика.

– Ненавидя твоё благопристойное «незаметно», я побежал к той, которая должна была дать мне солнце! Она дала мне торопливые содрогания и стыд! Но я не мог жить без любви! Я видел, в какой восторг повергает толпу пение и игра на кифаре. И я научился играть и петь. Но недостаточно, чтобы меня за это любили. Я пришел в отчаяние: мне не познать солнца!.. Но вот однажды я увидел ее. Это была подруга матери. Она шла темными коридорами дворца, величавая богиня с гордым лицом. И тут мне пришла в голову мысль. На следующий день...

...И Сенека увидел женщину в алом пурпуре в темном переходе дворца. Из-за колонны навстречу ей шагнул юноша. И смертный ужас на лице женщины, когда она увидела нож.

– И, угрожая ножом и позором, – шептал Нерон, – я заставил ее, богиню, отдаться! И... и вот тут, в проклятиях, в ее содроганиях, слезах, в ее ненависти я ощутил. Это было солнце. Но совсем другое. И я с трудом удержался, так мне хотелось заколоть ее от восторга! И вот тогда-то я понял: когда орел когтит добычу, то в муках плоти, трепещущей в когтях, рождается... да, да – тоже любовь! Но ни с чем не сравнимая – любовь казни! Любовь жертвы к палачу! – Нерон был в безумии: глаза сверкали, срывался голос. – И когда Британик упал замертво, я вновь почувствовал... Я смотрел на всех вас: гордая мать и лгущий учитель – все вдруг соединились. Моя воля простиралась безгранично – и все ваши воли лежали ниц! Кто раз вкусил эту беспредельность своей воли, тот может идти только вверх! Вверх! Вверх! Я дышал воздухом гор. Там нет смертных. Кто раз познал, что такое быть богом. Кровь! Кровь! Все мало!.. И весь римский народ для меня как та женщина, которую я насиловал с ножом в руках! Однажды я сожгу этот ваш Вечный город и прокричу свое проклятие!

– Довольно! – закричал Сенека.

– Опять трагедия, – смеялся Нерон, – а мы договорились: играем комедию!

И он ударил бичом. И с визгом и хохотом вскочили с арены Амур и Венера. Гогоча, дьявольскими прыжками понеслись они вокруг Сенеки.

– Комедия! – хохотал Нерон. – В комедии все шиворот-навыворот: мертвые оказываются живыми, а ты, живой, мертв!

– Я не хочу жить! Зови Тигеллина, – сказал Сенека.

– Ты прав. Время настало: пусть придет Тигеллин! – ответил Нерон.

– Я слышу шаги Тигеллина! – закричал Амур. И бросился во тьму. И тотчас попятился назад в ужасе. – Тигеллин идет! Дорогу Тигеллину...

И все застыли. В наступившей тишине Нерон спросил еле слышно:

– Он здесь?

– Он – здесь! – ответил Амур.

– Как он страшен. Я боюсь, – шептал Нерон. – Опустите веки Тигеллину! Почему ты молчишь, Сенека? Почему ты не смотришь на Тигеллина? – И Нерон схватил Сенеку за горло. Белые от бешенства глаза уставились на старика. – Ты видишь Тигеллина? Видишь Тигеллина, старый ублюдок?

– Не вижу, Цезарь, – прошептал Сенека.

– Как странно, девочка моя, – обратился Нерон к Амуру, – наш Сенека не видит Тигеллина. Что ж ты теперь будешь делать, не увидев Тигеллина? Как без него тебе жить? Точнее – умирать?

И наступило молчание.

– Тигеллина нет?! – прохрипел Сенека.

– Комедия, учитель: Тигеллин явился в Рим сразу после смерти Клавдия, но пробыл в Риме одну ночь – Тигеллин был удушен на рассвете, я не простил ему маму. Ты ведь знал, Сенека, что его нет. – шептал Нерон. – И я знал, что ты знаешь. Я ведь для нас его придумал. С Тигеллином нам было удобно, обоим: мне – убивать, тебе – оправдывать убийства. Тигеллин был единственной возможностью идти об руку убийце и святому. Но завтра тебя не станет, Сенека. Зачем мне без тебя Тигеллин! Я осчастливорю Рим: я объявлю о казни этого чудовища. Какой будет восторг: прошли страшные времена Тигеллина! Смерть Тигеллина – часть моей платы: я дарю тебе высшее счастье – пережить смерть врага. Ну а теперь, судья в бочке, твой черед: актеры Нерон и Сенека отыграли роли. И жаждут услышать приговор: хорошо ли они сыграли Комедию жизни?

Старик в бочке не ответил. Он шептал непонятные слова.

– Что ты бормочешь, мой брат Диоген?

– Я молюсь. Я прошу его сохранить во мне любовь.

– Кого же ты собираешься любить?

– Всех. Мы все вместе род человеческий. Ты – это я. А я – это он. И если сейчас я возненавижу тебя – я возненавижу себя. И если ты убьешь меня – ты убьешь себя.

– Значит, ты всех нас хочешь любить? Ну за что, к примеру, ты станешь любить его? – Нерон указал на Сенеку.

– За его слова, брат. Этот человек много думал... и произнес много верных слов.

– Он говорил, другие слушали и убивали. Ну а этого брата? – Нерон усмехнулся и кивнул на сенатора.

– За его унижение. За страдание его.

– А за что ты собираешься любить своего брата Цезаря?

– За то, что он всех несчастнее. Будет молить о смерти как об избавлении. Будет обнимать ноги последнего раба.

Нерон бросился к бочке и начал яростно сечь бичом старика. Старик не защищался – он только стонал при каждом ударе.

– Оставь его, Цезарь! – не выдержал Сенека.

– А знаешь, – Нерон улыбнулся, – он победил тебя. Во всем, что он говорил, есть безумие. Но почему-то его безумие кажется мудростью. А твоя мудрость всегда казалась мне глупостью. Радуйся, человек из бочки: ты победил величайшего философа Сенеку. И за это брат

Цезарь наградит тебя по-царски: я назначаю тебя Прометеем – Божеством на моих Нерониях!

«Даздравствует цезарь, мы всегда хотели такого цезаря, как ты, сорок раз ты великий отец-брат сенатор, ты истинный цезарь, восемьдесят раз!» – завопил сенатор.

– Завидная участь, – продолжал Нерон, – ты будешь терпеть мучения великого титана. Ведь Прометей, как и ты, очень любил людей. Но он не только любил – он пострадал за них. Так что перед сотней тысяч своих братьев римлян ты сможешь показать – и не словами, как Сенека, – а трудным делом. как ты их любишь! Ты доволен великой милостью своего брата Цезаря?

– Ты – сказал, – улыбаясь, ответил старик.

– А жаль, – обратился Нерон к Сенеке, – ведь это тебя я мечтал наградить божественной смертью. Это тебе я готовил роль Прометея. Но ты всегда был в лучшем случае домашний пес при леопарде. А какой же Прометей без бунта!

И Нерон приказал Амуру:

– Начинайте! Распните его, – указал Нерон на старика. – Пусть римская чернь, войдя сегодня в цирк, увидит своего Прометея высоким и великим.

– Он не сможет идти к кресту, Цезарь, – сказал Амур. – У него перебиты руки и ноги.

– А разве божество ходит? Везите к кресту Прометея! У нас для него приготовлена царская колесница! Эй, конь!

И сенатор с готовностью заржал.

Амур и сенатор вытащили старика из бочки. И тогда сенатор увидел руки старика со страшными следами.

– Гляди, Цезарь, – в панике завопил сенатор, – следы... гвоздей!

– Ты посмел заговорить! – Удар бича обрушился на сенатора.

– Следы гвоздей!.. И на ногах тоже!.. – в ужасе продолжал кричать сенатор.

Нерон осмотрел руки и ноги старика. Спросил изумленно:

– Тебя распинали?

– Ты – сказал, – улыбнулся старик.

– Когда?

– В очень давние времена. Я был тогда Прометеем. Потом распинали опять, когда я стал Диогеном. Потом. Меня все время распинают, брат. Оттого так веселит меня твоя вера, что ты делаешь это первым, – засмеялся старик.

– Он воскрес! Он бог! – завопил сенатор и поволок свою колесницу прочь от бочки. – Он истинный бог!

Нерон схватил сенатора под уздцы:

– Он жалкий калеченый человек!.. Как жаждут у нас сверхъестественного! Спасибо Сенеке – он научил меня не верить суевериям. Ну рассуди, если даже его распинали: что тут чудесного? Ну распяли, а потом, как у нас бывает, легионеры не проверили, умер ли он. И завалились спать, а друзья распятого тут как тут – и сняли с креста! Что здесь необычайного, скажи? Ну? Ты ведь еще недавно был умным сенатором, Антоний Флав, – сказал Нерон, успокаивая то ли сенатора, то ли себя самого. И он обратился к старику: – Во всяком случае, Диоген, я обещаю: в этот раз тебя распнут хорошенько. Договорились?

– Ты – сказал!

– Но если ты все-таки надумаешь опять воскреснуть, где нам тебя искать, Диоген? Назначай место.

Старик, все продолжая радостно улыбаться, долгим взглядом оглядел всех – Нерона, Амура, Венеру. И появившихся из темноты легионеров с факелами. Наконец взгляд его оста-

новился на Сенеке. Мгновение он пристально смотрел на него, а потом сказал, обращаясь уже к Нерону:

– Я буду ждать тебя в бочке, как всегда.

– О бочке мы тоже позаботимся: ее сожгут под твоим крестом. чтобы тебе было виднее, – улыбнулся Нерон. – И еще. Я задумал, наш Прометей, чтобы на кресте тебя развлекли возлюбленные тобой люди.

И Нерон закричал вниз, сквозь решетку в подземелье:

– Ребятки! Вас тысяча! Сейчас вам принесут мечи... Запомните: я сохраню жизнь десятерым. Оставшимся десятерым! Десять из тысячи получают свободу, девок и деньги. Так обещает ваш цезарь. Рубитесь! – И он подмигнул Венере: – Встань за решетку, шлюха, чтобы у них хватило вдохновения!

Венера вошла за решетку. И лениво начала свой танец.

Все быстрее, быстрее, быстрее кружилась Венера.

А под решеткой вокруг стола, заваленного объедками, среди коптящих ламп, курящихся благовоний, окруженные визжащими женщинами, рубились убойные люди. Лязг мечей, стоны раненых, крики боли...

На арене в свете факелов легионеры подняли старика на крест. И распяли его.

– Ты по-прежнему любишь всех? – спросил Нерон старика.

– Да, брат, – еле слышно шевелил губами старик на кресте.

– И его? – указал Нерон на сенатора в колеснице.

– И его, брат, – изнемогая от боли, ответил старик с креста.

– Вот он и станет твоим Гефестом – он проткнет тебя.

И Амур начал распрягать сенатора. Но сенатор упал на колени, цеплялся за упряжь и кричал:

– Великий цезарь! Умоляю!.. Я не могу! Он бог!

– Тогда тебя самого посадят на кол рядом с ним. – И Нерон взял пику у легионера и протянул сенатору: – Будешь колоть, мразь? Ну?.. Будешь?!

Дрожа, задыхаясь в слезах, сенатор взял оружие.

– Я вернусь в одежде Эсхила, чтобы на фоне всей этой декорации в лучах восходящего солнца прочесть бессмертную трагедию поэта «Прикованный Прометей». Ну а ты, учитель, как всегда, будешь зрителем. Хотя, надеюсь, к вечеру ты величаво покинешь наш жестокий спектакль в соответствии с моей легендой. Легкой жизни – легкая смерть! Такова моя плата.

И Нерон обнял Сенеку. И поцеловал его. В глазах Нерона были слезы.

Нерон ушел во тьму.

Трещали горящие факелы. Сенека смотрел на старика, умиравшего на золотом кресте, на сенатора с пикой, дрожащего под крестом, на Венеру и Амура, упоенно скакавших по решетке в безумном танце под крики и стоны умирающих людей, на легионеров, стороживших крест.

И опять взгляд Сенеки встретился со взглядом старика на кресте.

И тогда Сенека поспешно направился к пустой бочке. Осмотревшись, поняв, что никто за ним не следит, быстро, неуклюже полез Сенека в бочку.

Голова его исчезла в огромной бочке...

Вставало солнце. Сквозь розовый шелк его лучи упали на арену. И золотом вспыхнули медные опилки.

В трубном реве фанфар из главного входа появился Нерон. В пурпурной тоге, в лавровом венке, с кифарой в руках он шел к золотому кресту. У креста Нерон остановился и ударил по струнам. Зазвучала кифара – и Нерон запел стихи Эсхила:

– Вот кольца приготовлены.
Надень ему их на руки
И молотком к скале прибей.
Теперь, Гефест, железным шилом
С размаха грудь ему
Проткни!!!

И, закрыв глаза, сенатор остервенело ударил пикой старика на кресте. Старик задохнулся от крика и боли.

– Прости им... – прошептал он и затих на кресте.

– Он умер. Я убил его... – в ужасе прошептал сенатор.

Усмехаясь, Нерон обратился к распятому:

– Мой брат Диоген мертв. – И, зевнув, Нерон посмотрел на золотую бочку: – Ну что, пустое дерьмо?

И с размаху презрительно ударил ее ногой. И завопил от боли. Бочка осталась недвижимой.

– Отойди, Цезарь, – раздался голос из бочки.

– Сенека?! – в ужасе прошептал Нерон, отступая от бочки.

– Ты ошибся, Цезарь, меня зовут Диоген. И ты загораживаешь мне солнце.

Нерон взял факел из рук legionera.

В беспощадном свете огня в подымающемся солнце стали видны румяна, толстым слоем покрывавшие усталое, обрюзглое лицо Нерона. Но вот Нерон отодвинул факел – и вновь он был прежний Аполлон.

С факелом в руках медленно приблизился Аполлон к бочке. И поджег ее.

Потом Аполлон, Амур и Венера молча уселись вокруг подожженной бочки.

Они ждали.

Страшный, нечеловеческий вопль раздался из горящей бочки. И затих. Затихли крики и стоны в подземелье. И наступила тишина.

И тогда в тишине зазвучал нежный смех Амура. Смех этот, как мелодию, подхватил Аполлон, за ним – Венера.

Так они сидели вокруг догорающей бочки, как три юных божества. И тихонечко смеялись – будто переговаривались о какой-то только им известной тайне.

Последняя из дома Романовых

Домики старой Москвы

*Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы.*

Марина Цветаева

Они прячутся в старых, кривых московских переулках. И там, величественные и жалкие, как состарившийся Казанова, греют на солнце свои колонны – облупившиеся белые колонны московских дворцов XVIII века... Зажатые между огромными домами, они выплывают из времени. Миражи. Сны наяву.

Ах, эти дома желтой охры, античный фриз на фронтоне – гирлянды, веночки, летящие гении, за толстыми стенами – прохладная темнота зала. полукруглые печи, чудом сохранившийся расписной потолок, и вековые деревья за оградой.

В дни молодости моей довелось мне жить в таком доме. И в долгие зимние вечера, когда так чудно падает снег и странно светят фонари, я любил сидеть в своем доме. Осторожно ставил я на стол тот шандал.

Как он попал ко мне?.. Как уцелел после всех пожаров, войн, революций и отчаянных скитаний несчастной семьи? Когда-нибудь я расскажу и эту историю. когда-нибудь.

Старинный бронзовый шандал со свечой, загороженный маленьким белым экраном в бронзовой рамке, поставлен на столе.

Я погасил электрический свет, засветил свечу – и побежали по потолку, по стенам зала торопливые тени.

И проступило изображение на экране: у горящего камина на фоне высокого окна сидит молодая красавица. Неотрывно глядит она в небольшой серебряный таз, стоящий у ее ног. В тазу по воде плавают крохотные кораблики с зажженными свечами.

Это старинное венецианское гадание. В тот день она решила узнать свою судьбу. О, если бы она ее узнала!

Как я любил разглядывать ее лицо на старинном экране. Томно склонив головку с распущенными волосами, она глядит в серебряную воду. И плавают, плавают свечи на крохотных корабликах. И колеблется неверное пламя.

В эту женщину были влюблены самые блестящие люди века. Ее красоте завидовала Мария Антуанетта. И мечтательный гетман Огинский, и властительный немецкий государь князь Лимбург были у ее ног. Ей объяснялся в любви самый блестящий донжуан Франции – принц Лозен. И граф Алексей Орлов, самый блестящий донжуан России...

Тогда, в том доме, я собирал по крохам все, что осталось, о ней.

И, читая полуистлевшие письма истлевших ее любовников, я шептал вслед за ними безумные слова: «Ваши глаза – центр мироздания», «Ваши губы – моя религия», «Ваши руки подобны плющу нежности». Уходят наши тела. Но страсть и любовь остаются.

И все чаще стало мерещиться мне.

Исчезал московский домик Пропадал, тонул в снежной метели.

И видение Санкт-Петербурга: белая петербургская ночь, безжалостный золотой шпиль крепости. И кронштадтский рейд. И силуэты фрегатов в белой ночи.

Несколько точных дат

Самое неправдоподобное в этой истории, что это правда.
Джакомо Казанова

Кто не жил в XVIII веке – тот вообще не жил.
Талейран

В конце мая 1775 года пришла в Кронштадт из Средиземного моря русская военная эскадра. И хотя люди давно не были дома, никому не было дозволено ступить на берег.

Из именного указа императрицы Екатерины Второй генерал-губернатору Санкт-Петербурга князю Александру Михайловичу Голицыну:

«Князь Александр Михайлович! Контр-адмирал Грейг, прибывший с эскадрой с ливорнского рейда, имеет на корабле своем под караулом ту женщину. Контр-адмиралу приказано без именного указа никому ее не отдавать. Моя воля: чтобы вы...».

24 мая 1775 года.

Была ночь, но во дворце генерал-губернатора Санкт-Петербурга князя Голицына не спали. Князь Александр Михайлович, грузный шестидесятилетний старик, сидел в своем кабинете. Перед ним навтыжку стоял молоденький офицерик – капитан Преображенского полка Александр Матвеевич Толстой.

Тучный князь тяжело поднялся с кресел, пошел к дверям. Распахнул двери: в маленькой комнате, у аналоя с крестом и Евангелием ждал священник в полном облачении.

– Прими присягу, Александр Матвеевич, – обратился князь к капитану.

– Клянусь молчать вечно о том, что надлежит мне увидеть и исполнить, – звучал в тишине голос Толстого.

– И людей своих к присяге приведешь. И растолкуй им, что, коли хоть одна душа узнает, – наказание беспощадное. В Кронштадт поплывете ночью... И вернешься с нею в крепость тоже ночью... чтоб ни одна душа.

И князь обнял капитана:

– Ну, храни тебя Бог!

В ночь с 24-го на 25 мая 1775 года.

Яхта с капитаном Толстым и шестью преображенцами с потушенными огнями плыла из Петербурга в Кронштадт. На берегу и на судах, мирно качавшихся на якорях в устье Невы, давно спали.

Глубокой ночью подплыли к Кронштадту. Неслышно скользила яхта по военному рейду.

«Святослав»... «Африка»... «Не тронь меня»... «Европа»... «Саратов»... «Гром»... Стояли на рейде в ночи линейные корабли и фрегаты, залитые призрачным светом.

У шестидесятипушечного адмиральского судна «Три иерарха» яхта замедлила ход.

В каюте капитана Толстого уже ждал контр-адмирал Самуэль Карлович Грейг.

– Весь завтрашний день, капитан, вы и ваши люди проведете в каютах. – Грейг говорил по-французски: он был не так давно на русской службе и плохо владел русским. – Ни с кем

из корабельной команды не видаться и не разговаривать. И только когда на корабле отойдут ко сну.

Ночь, 25 мая 1775 года.

На темную палубу вывели нескольких мужчин и двух женщин. Одна из женщин одета в черный плащ с капюшоном, глубоко надвинутым на лицо.

– Настоятельно прошу вас, госпожа, – обратился Грейг по-итальянски к женщине, – не открывать лица и не говорить ни с кем до прибытия в назначенное место. Непослушание только ухудшит ваше положение.

Не дослушав адмирала, женщина молча направилась к борту.

Ее усадили в покойное кресло и спустили вниз – на яхту.

Адмирал почтительно помогал ей.

Дважды прозвенели куранты на Петропавловской крепости, когда яхта пристала к гранитным стенам.

В белой ночи на пристани темнела фигура в плаще и треуголке. Яхту встречал сам хозяин крепости – Андрей Григорьевич Чернышев, генерал-майор и Санкт-Петербургский обер-комендант.

Женщина в черном плаще молча глядела на гранитные стены и беспощадный золотой шпиль...

Арестованных быстро размещали по казематам Алексеевского рavelина. Захлопывались двери камер, лязгали засовы.

И в крепости наступила тишина. Будто ничего и не произошло.

Комендант Чернышев торжественно ввел женщину в просторное помещение, состоявшее из трех светлых и, главное, сухих комнаток, что было большой редкостью в крепости, постоянно затоплявшейся Невой. Сие была его гордость – помещение для особо важных преступников.

Женщина сбросила капюшон – и бешено сверкнули ее раскосые глаза.

– По какой причине осмелились арестовать меня? – яростно выкрикнула она по-итальянски.

26 мая 1775 года, ранним утром, в своем кабинете за бюро с медальоном императрицы князь Александр Михайлович Голицын писал донесение:

«Всемиловитейшая государыня! Известная женщина и свиты ее два поляка и слуги и одна служанка привезены и посажены сего дня в два часа поутру за караулом в приготовленные для них в Алексеевском рavelине места под ответ обер-коменданта генерал-майора Андрея Чернышева...».

Прошло два с лишним года.

В ночь на 5 декабря 1777 года в Санкт-Петербурге стояли лютые морозы.

В Петропавловской крепости куранты уже пробили полночь, когда из Алексеевского рavelина обер-комендант Чернышев и солдаты вынесли гроб.

Горели факелы. С трудом копали солдаты смерзшуюся землю.

– Копать веселее! – покрикивал комендант.

Все глубже, глубже яма.

Комендант осветил ее факелом, удовлетворенно кивнул. Солдаты опустили гроб и торопливо забросали мерзлой землей.

На рассвете 5 декабря пошел густой снег. Мело, мело по мерзлой земле.

Из рапорта Санкт-Петербургского обер-коменданта генерал-майора Андрея Чернышева:

«...Означенная женщина волею Божьей умре... А пятого числа в том же Алексеевском равелине той же командой, при ней в карауле состоявшей, была похоронена. По объявлении присяги о строжайшем сохранении сей тайны».

Снежная метель разыгралась над Петербургом. Все потонуло в этой метели: дворцы, крепость. И могила.

И к утру не осталось никаких следов – только белое поле у Алексеевского равелина.

Действующие лица: «Орлов со шрамом»

Я не поручил бы ему ни жены, ни дочери, но я мог бы совершить с ним великие дела.

Граф Федор Головкин. Портреты и воспоминания

Прошло ровно тридцать лет.

5 декабря 1807 года.

В Москве, во дворце графа Алексея Григорьевича Орлова в Нескучном, всегда в воскресенье, ждали песельников да плясунов.

По бесконечной анфиладе дворца движется согнутая фигура – чудовищная огромная гнутая спина в шитом золотом камзоле. Тяжелый стук медленных старческих шагов.

Золотая спина шествует мимо портрета в великолепной раме. На портрете изображен молодой красавец, увешанный орденами, в Андреевской ленте через плечо, на фоне горящих кораблей. Это сам хозяин дворца граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в молодые годы. Герой, победитель турок в морском сражении в Чесменской бухте, где перестал существовать турецкий флот.

Горят, горят корабли на портрете.

Именно тогда, в 1770 году, французский посол докладывал из Петербурга: «Алексей Орлов – глава партии, возведшей на престол Екатерину. Его брат Григорий – любовник императрицы, он очень красивый мужчина, но, по слухам, простодушен и глуп. Алексей Орлов сейчас самое важное лицо в России. Екатерина его почитает, боится и любит. В нем можно видеть подлинного властелина России».

Тяжелый стук медленных старческих шагов по анфиладе дворца.

Но это все в прошлом. Нынче графу за семьдесят – и он мирно доживает свой век в Москве, вот уж который год изумляя Первопрестольную безудержным, буйным разгулом...

На Масленой граф со свитой – неперменный зритель кулачных боев между воспитанниками Славяно-греческой академии и университетскими.

С превеликим удовольствием наблюдает Его сиятельство, как с дикими криками, гиканьем сходятся молодые парни в кулачном бою на ледяных горах у кремлевской стены. (Горы заливали на месте нынешнего Александровского сада.)

Когда граф был помоложе, то и сам участвовал.

Ох, как страшились дерущиеся, когда в толпе страшно возникала исполинская фигура! И яростно бросалась в общую потасовку.

«В воскресенье, перед дворцом в Нескучном, граф неизменно устраивает бега своих знаменитых рысаков».

И мчатся по снежной дороге дивные кони. И пляшут перед дворцом столь любимые Его сиятельством скоморохи да песельники. Потешные драки в снегу между шутами и скоморохами непременно сопровождаются милостивым старческим смехом. «Изволили смеяться».

Как справедливо сказал о графе поэт: «Дыша всем русским, он до страсти любил отечественные развлечения».

И сегодня, в солнечный морозный день, в доме графа, как всегда, готовились к веселью – ждали троек со скоморохами и цыганами. И граф тоже готовился...

Все ближе тяжелые шаги по роскошной анфиладе. Испуганные лица лакеев.

Громадная согнутая спина в золотом камзоле повернулась – и на фоне портрета молодого красавца возникло изборозженное морщинами, обрюзгшее лицо старика в парике. Слуга в дверях дрожащими руками аккуратно положил кисточкой пудру на его парик.

И старый граф продолжал свое шествие по анфиладе.

В последнее время у графа Алексея Григорьевича появились большие странности: он стал часто заговариваться и еще развилась в нем необыкновенная тяга к щегольству. Теперь каждое утро граф шел через бесконечную анфиладу, и лакеи кисточками накладывали определенные его сиятельством порции пудры на парик. Ох, не дай им Бог ошибиться! Граф сам исчислил количество комнат, которое ему надлежит пройти, чтобы парик приобрел должный вид.

Двигается согнутая фигура... И в дверях каждой следующей комнаты дрожащий лакей укрывает пудрой графский парик. И крестится, когда граф проходит мимо.

Старик миновал последнего лакея и очутился в сверкавшей зале: бесчисленные зеркала в холодном зимнем солнце беспощадно повторяли морщинистое лицо графа и страшный шрам на щеке. Современники называли этот шрам «знаком предсмертного отчаяния». И с ужасом уверяли, что получен он был в Ропшинском дворце, где граф задушил свергнутого императора Петра Третьего. Но иные утверждали, что сей шрам попросту заслужен графом в пьяной драке. Так или иначе, но, отличая его от остальных четырех братьев Орловых, Алексея Григорьевича прозвали «Орлов со шрамом».

Усмехаясь, старик оглядывал себя в зеркалах – он доволен.

– Отменно. Не стыдно будет на балу сегодня, – обращается он к крохотному старичку в мундире, с Чесменской медалью.

Тридцать восемь лет назад сержант Изотов закрыл грудью графа от турецкой пули в знаменитом Чесменском бою. И теперь доживает век в его доме, являясь нынче основным собеседником того, кто именовался когда-то «властелином России».

– Когда цыгане с плясунами да песельниками придут – пустить их на бал. Она веселье любила, – радостно приказал граф.

– Да какой же нынче бал, Ваше сиятельство? Никакого бала у нас нет, – удивился старый слуга.

– Ан есть, – с торжеством ответил граф. – Пятое число сегодня – ее день. Схоронили ее. В этот день она ко мне на бал каждый год приходит. И сегодня жду. Любила балы. Как же она любила балы! Непременно пожалует.

– Да что ж вы, Ваше сиятельство. Алексей Григорьевич? – прошептал старый сержант.

Граф посмотрел на испуганного старика мутными глазами. На мгновение сознание вернулось к нему.

– Подать мое яблоко, сержант, – приказал он весело.

Старый сержант заулыбался: он любил эту молодецкую шутку. Он достал из кармана заготовленное яблоко. Граф взял яблоко и легко раздавил его двумя пальцами. И счастливо засмеялся.

– Что яблоко! Говорят, вы быка одним ударом прихлопнуть могли, – подобострастно сказал Изотов.

– Да что быка! Я государя императора Петра Федоровича одним ударом. – И бешеные глаза человека со шрамом взглянули на несчастного сержанта. Тот только перекрестился.

И вновь глаза графа помутнели.

– Что же мы тут... гости никак пожаловали? – И граф торопливо пошел к высоким дверям залы.

Он широко распахнул двери и склонился в низком поклоне:

– Матушка государыня к холопу своему. А мы как раз про мужа твоего убиенного, да про «известную женщину» толкуем.

Граф не договорил и вновь склонился в поклоне:

– А вот и консул английский сэр Дик с распрекрасной супругой своей, много способствовал сей англичанин в поимке «известной женщины». А вот и адмирал Грейг, большие заслуги и у него в этом деле были.

Граф стоял один в пустой зале и бесконечно церемонно раскланивался с пустотой, встречая ушедшую эпоху. А сзади полумертвый от страха Изотов только приговаривал:

– Ваше сиятельство. Ваше сиятельство.

Но граф не слышал. Он видел, как в залу вошла она. Как тогда, на корабле, на ней был длинный черный плащ с капюшоном, надвинутым на лицо.

Граф захрипел и упал навзничь на драгоценный паркет.

К дворцу уже подлетали тройки. С визгом и хохотом соскакивали цыгане, удалые скomorохи да плясуны. Обезумевшие люди графа бестолково носились перед домом, разгоняя приехавших

Граф умирал. Умирал тяжело, в муках. Речь отказала – он хрипел. И глаза его наполнялись слезами. Он лежал на огромной кровати, под потолком, украшенным плафоном «Триумф Минервы»: аллегория триумфа императрицы Екатерины Второй в войне с турками.

На стене висел парадный портрет императрицы: Екатерина со скипетром и короной.

На столике у кровати лежал золотой медальон в форме сердца, осыпанного бриллиантами. Медальон был раскрыт, и внутри него улыбалась все та же императрица.

Только трое во всей России имели право носить такой медальон. Два фаворита императрицы – Григорий Орлов и Григорий Потемкин. И он. Но сейчас этого никто не помнил, и никого это не интересовало. И старый медальон пылился на столе, и старый человек, окруженный императрицами, умирал в постели.

Иногда он забывался. И в забытии слышал собственный голос. И видел лицо деда, так напоминающее чье-то лицо.

– Чье лицо? – прошептал он.

И понял: его лицо, лицо старика, умирающего сейчас в постели.

– Не всегда был я старый, внучек, – говорил дед, – молодой был, да отважный, да забиячливый. И за то прозвали меня товарищи Орлом. А Петр Алексеевич только Россией начал править. И мы – стрельцы – великий бунт против него учинили. Велено нам было голову сложить на плахе.

Он видел... как поднимался его дед на плаху. как под ноги деду покатилась отрубленная голова казненного стрельца. И, с усмешкой взглянув на усталого палача, уже поджидавшего его с топором, дед, как мячик, откинул ногой отрубленную голову. И, засмеявшись, положил свою – под топор, на плаху.

– Увидел царь – и понравилось ему бесстрашное озорство мое, – слышал он голос деда. – И помиловал он меня. Помни, внучек: до конца имей надежду и смерти не бойся.

– Смерти не бойся, – беззвучно шептали губы старого графа.

Около постели графа сидела Анна, любимая, единственная дочь графа. Ее мать умерла сразу после ее рождения. Сейчас Анне исполнилось двадцать лет.

Анна всматривалась в изуродованное страданием лицо графа. В глазах старика стояли слезы. Он о чем-то просил, что-то хотел сказать. Но она не могла его понять и только умоляюще шептала:

– Что прикажете, папенька?

– Сына просят, – сказал сзади Изотов, – за сыном велют послать.

Старик умоляюще кивнул.

– Пошлите за Александром, – сказала дочь и заплакала.

И опять граф впал в беспамятство. И опять он видел деда своего – старого Орла.

Они стояли перед дедом в ряд, пять красавцев гвардейцев, пять родных братьев.

– Пять братьев вас, пять Орлов. Ты, Гришка, самый красивый, – подмигнул дед Григорию. – Но зато ты, Алешка. – И дед глянул на Алексея. – А ну, покажи нам.

Привели быка. Черный, огромный, бык неподвижно стоял перед братьями. Алексей подошел к быку. Сжал пудовый кулак. И одним страшным, быстрым движением ударил быка меж рогами. Качнулся бык. Рухнул как подкошенный. Крик восторга вырвался у братьев.

– Да, ты самый сильный, – шептал дед, – но ты и самый буйный, осторожки в тебе нет. Но на то, внуки, даден вам брат Иван. – И он ткнул в старшего брата. – Он самый хитрый, и он отца вам вместо. А Владимир да Федор – младшие, всем вам преданы. Одна душа и одна голова. Покуда вместе будете, никому вас не сломить!

Императрица на потолке улыбалась.

– Сломил... – слышал свой голос умирающий граф, – одна ты нас всех сломила.

И он увидел императрицу совсем молодой великой княгиней на том балу.

– Тогда все ночи танцевали, – усмехнулся старик, – Елизавета села на трон после переворота. Был он ночью устроен. И теперь по ночам боялась спать. И Петербург танцевал, танцевал до утра. Бал... бал...

Они стояли в дворцовом зале – Григорий и Алексей, два красавца – высоченные, в блестящих гвардейских мундирах.

– Ох и хороша великая княгиня. Ей-ей, хороша! – шептал Григорий.

Екатерина, танцуя, вдруг обернулась.

– Отметила! – зашептал Григорий и совсем приник к уху брата: – Загадал, коли сейчас еще обернется. Ну, обернись, душа ты моя!

И опять, танцуя, Екатерина мельком взглянула на братьев. И улыбнулась.

– Моя будет, – прошептал Григорий.

– Да ты в своем уме? – лукаво взглянул на брата Алексей. И восхищенно добавил: – Ох, Гришка! Ну враг! Суций враг!

Торжественно раскрылись парадные двери. Вошла высокая, полная, немолодая дама в роскошном платье.

– Императрица. Елизавета Петровна, – неслось по зале.

– Модница была, не нашивала одно платье два раза. После смерти остались в ее гардеробе пятнадцать тысяч платьев, – шептал старик

За императрицей следовал тоже высокий, тоже дородный и тоже немолодой господин: граф Алексей Григорьевич Разумовский – фаворит и, как утверждала молва, тайный муж Елизаветы.

– Вот он, ночной император, – шептал Григорий Орлов брату. – А ведь простым певчим был, грамоты не знал. В хоре его увидела да и влюбилась без памяти. Попал в случай.

За Алексеем Разумовским важно вышагивал господин помоложе, столь же высокий и величественный – граф Кирилла Григорьевич Разумовский, родной брат Алексея, гетман Малороссии.

– А ведь недавно этот гетман свиней пас, – шептал Григорий. – Сам мне рассказывал: когда Алексей фаворитом стал, послал за ним офицера. А Кирилла решил, что его в солдаты

хотят упечь. со страху на дерево залез и три дня там просидел. С голодухи только слез. А теперь – вон они! Что случай делает! – И добавил лукаво: – А ведь они тоже братья и на нас с тобой похожие – такие же здоровенные. Только мы красивее да умнее.

И опять Екатерина, танцуя, взглянула на братьев.

Потом старик увидел Москву, зиму... Бежали сани. В санях они: Григорий и Алексей – молодые, в распахнутых шубах. Проезжали мимо белых колонн дворца на Покровке.

– Тпру! – закричал Григорий.

И остановились сани.

Вот он дворец графа Алексея Григорьевича Разумовского. В переулке на холме за дворцом виднелась церковь.

– Церковь Воскресения в Барашах, – усмехался Григорий. – Здесь он тайно повенчался с императрицей. А может, и нас с Катериной когда-нибудь повенчают, да не тайно!

Алексей уставился на брата.

– Моя она, – усмехнулся Григорий, – любит меня без памяти, все сделает, как я скажу.

– Ох, Гришка, – любуюсь братом, сказал Алексей. – Ей-ей, суший враг!

Екатерина, прекрасная, молодая, танцует с Григорием. И открытое безумное женское счастье на ее лице.

Умиравший старик глядел на императрицу на потолке и шептал беззвучными губами:

– Ах, эти гордые твои фавориты, они всегда думали, что они выбрали тебя, а это ты их выбирала. Счастливая, ты всегда любила тех, кто был тебе нужен. Нас было пятеро братьев. удалцы-кутилы, любимцы гвардии. И ты взяла Григория и взяла тем нас всех, и всю гвардию. Ты знала: скоро, скоро умрет Елизавета. И тогда муженек, тебя ненавидевший, упечет тебя в монастырь да и женится на любовнице. И ты готовилась. Екатерина Великая... Екатерина Предусмотрительная.

Граф застонал. Изотов и Анна перевернули его на другой бок. Теперь он видел гроб. В гробу лежала императрица Елизавета. Молодая Екатерина стояла на коленях у гроба, и слезы лились по ее лицу.

– Ты всегда умела плакать, когда хотела, – шептал старик императрице на потолке.

Гвардейцы стеной окружали гроб.

– Ишь как убивается, – сказал Иван Орлов.

– А император, муженек ее, в это время бражничают со своими немцами да с любовницей горбатой, – усмехался Григорий Орлов в другом конце зала.

– Опять немцы сядут нам на голову, – вздыхал Владимир Орлов, окруженный гвардейцами.

– А ведь матушку Елизавету Петровну отцы наши на трон посадили, – тихо начал Алексей и умолк.

– Дело говорит, – зашептали в зале.

Старик вспоминал. Точнее, это не были воспоминания. Просто когда боль отпускала, он уходил в ту жизнь. И жалкое, беспомощное тело, лежавшее на огромной кровати под балдахин, было не его тело... Его тело жило в той жизни – великолепная, мощная плоть...

– Скоро, скоро оно на бойню пойдет, – беззвучно смеялся старик.

Бал в разгаре – первый бал после траура по умершей императрице. Неряшливый, дрожащий старик в старом серебряном камзоле стоял у колонны.

– Лесток, лейб-медик умершей императрицы, – шептал Иван Орлов Григорию и Алексею, – его только что вернули из ссылки. Двадцать лет пух там от голода. А ведь это он когда-то Елизавету на трон сажал. Попомните, братья, как она его отблагодарила.

И еще один старик – в мундире с золотым шитьем, в орденах и лентах – вошел в сверкающую залу.

– Фельдмаршал Миних, – шептал Иван, – и его из Сибири вернули. Двадцать лет подряд господин фельдмаршал, полуголодный, картошку там себе на пропитание сажал. А ведь какую власть имел. Вот до чего тщеславие доводит.

– Ничего, они вернулись, – захохотал Алексей. – По мне, или все – или плаха.

– О плахе для нас, видать, уже заботятся, – усмехнулся Иван. И кивнул на молодого гвардейца, танцевавшего менуэт. Танцуя, гвардеец нет-нет да и поглядывал на братьев. – Адъютант императора Перфильев. Говорят, его к нам приставили, – шептал Иван.

– Ба! Да он же игрок! Уж я-то знаю, как задобрить подобных господ! – смеялся Григорий. – Теперь каждую ночь стану проигрывать ему в карты. И он будет доволен, и император спокоен: ночью мы картами заняты. Ведь по ночам у нас перевороты делаются!.. Но торопитесь, братья, иначе разорюсь!

– Ты прав. – время выступать! – сказал Алексей. – Откроют заговор – только наши головы полетят. Катька Дашкова – сестра родная полубовницы государя, ее, конечно, помилуют. Никита Панин каждый день иное говорит, один Бог ведает – с нами он или нет. Кириллу Разумовского его брат Алексей с плахи за уши вытянет. Сама Екатерина вообще будет ни при чем. Только наши головушки.

– Ага, – засмеялся Григорий. – Если мою первой отсекут.

– Ага, – захохотал Алексей. – Уж я, как дед, пну твою дурацкую голову!

В гвардейских казармах шла большая игра. Играли – Перфильев, Григорий Орлов, офицеры-измайловцы, когда вошел Алексей Орлов. Поманил брата. Весело поманил, будто собираясь поведать о чем-то забавном.

– Я сейчас, господа. – Григорий бросил карты, подошел к Алексею, сопровождаемый внимательным взглядом Перфильева.

Будто рассказывая о веселом и все хохоча, Алексей сказал брату:

– Капитан преображенцев Пассек утром арестован императором. Заговор раскрыт...

– Кто сообщил?

– Никто не ведает. Но откуда-то слух, что арестовали его и раскрыт заговор. Теперь эта сумасшедшая девчонка, Дашкова, носится по Петербургу с этим слухом. Она всех нас под топор подведет. Времени нет, надо действовать. Фортуна за нас: император пьянствует в Ораниенбауме, на скрипиче играет. Екатерина одна в Петергофе. Осталось одно: привезти ее в Петербург и объявить императрицей.

– Слушает, – кивнул Григорий на Перфильева.

– Вижу. вернешься к столу. продолжишь игру. И напой хорошенько, чтоб бела света не видел. Я отправляюсь сей час в Петергоф – за Екатериной. На рассвете жди меня на пятой версте у Петербурга со свежими лошадьми. Ну?

– С Богом, брат, – и до встречи: во дворце или на плахе.

– Ух, как я пну тогда, Григорьюшко, дурацкую твою голову!

Григорий возвращается к столу. Перфильев вопросительно глядит на него.

– Презабавное амурное дельце предложил мне брат. Но я, как всегда, предпочел игру, – улыбнулся Григорий.

– А я, как всегда, даму, – захохотал в дверях Алексей. – Пожелайте мне удачи с дамой. – И он весело подмигнул Перфильеву.

Старик шептал, глядя на Екатерину, парящую на потолке:

– Ах эта ночь. Тогда была белая теплая ночь 28 июня и двадцать восемь верст надо было проскакать до Петергофа – я отметил это странное сочетание цифр.

Карета, запряженная шестеркой, мчалась по дороге в Петергоф. На козлах – кучер, в карете за занавесками – Алексей Орлов. Рядом с каретой верхом скакал молодой офицер – капитан-поручик Василий Бибииков.

– Послушай, не торопись, береги лошадей, – сказал из кареты Алексей.

– Я люблю Петергоф, Алеша, – мечтательно отвечал с лошади Бибииков. – Там все: статуи, фонтаны, рощи – служат увеселению чувств.

– Береги, береги лошадей, Бибииков.

– А коли ударят тревогу, когда подъедем? – вдруг спросил Бибииков.

– Тогда – руби, Васька! – засмеялся в карете Орлов. – Мы должны захватить императрицу.

Подъехали к ограде Петергофского дворца. У ограды ни души – ни караульных, ни сторожей.

– Дворец не охраняем... странно, Алеша, – зашептал Бибииков. – Останься с лошадьми. И Орлов выпрыгнул из кареты.

Осторожно открыл решетку главного входа. И ступил в парк.

В парке – ни души. Он крался мимо цветника к дворцу «Монплеизир». И здесь ни души.

И тогда Орлов начал хохотать. Он шел по пустому парку и хохотал во все горло:

– Какой же ты болван, батенька. Не охраняется. Это она сторожей сняла, она слух пустила, что Пассек арестован за заговор, чтоб всех нас на дело поднять. А сама ни при чем. Сама будто безмятежно спит. Если заговор сорвется – объявит, что мы увезли ее силой. Ай да Катерина! Ох, врагиня!

Он подошел к «Монплезиру» – маленькому дворцу, построенному еще Петром Великим. Обошел дворец, остановился у потайной двери.

Коли я прав, потаенная дверь в ее покои будет открыта.

Толкнул – и дверь легко распахнулась.

Усмехнувшись, он вошел во дворец.

Торопливо взбежал по лестнице. Рядом со спальней Екатерины – ее уборная. И, проходя, он увидел золотое нарядное платье, разложенное на креслах.

– Ну как же. Сегодня из Ораниенбаума император ее навещает. платье приготовили. Вряд ли кого найдете здесь, батюшка император Петр Федорович.

Распахнул дверь в ее покои. Екатерина спала. От стука проснулась, открыла глаза.

– Пора вставать, – жестко сказал Орлов. – Все готово для вашего провозглашения.

– Как?.. Что?! – играя пробуждение, удивилась Екатерина.

– Пассек арестован. Остальное расскажу по дороге, не время медлить.

– Который час? – спросила она деловито.

– Шесть утра. – И добавил: – Ваше императорское величество государыня Екатерина Вторая.

Она сидела на постели – простоволосая, в сорочке.

Он посмотрел на нее. Она усмехнулась. И тогда.

Старик глядел на акварель над кроватью. Под акварелью стояла подпись: «Отъезд из Петергофа 28 июня 1762 года».

– Англичанин Кестнер акварель эту изготавил. И только для нас с тобой... чтобы помнили мы тот день...

Вот я веду тебя к карете. а этот вблизи кареты стоит – камердинер твой. В воротах твоя камер-фрау. а этот, верхом на лошади, – Васька Бибилов. А это – зеваки, рабочий люд. Не узнали они тебя, оттого шапки у них на головах.

Орлов вскочил на козлы рядом с кучером:

– С Богом!

Карета понеслась в Санкт-Петербург.

Тысячи людей – у храма Казанской Божьей Матери.

Гвардейцы теснили толпу. Екатерина в черном платье поднималась по ступеням собора, окруженная братьями Орловыми. За ними – Кирилла Разумовский, Никита Панин, гвардейские офицеры. Алексей Орлов громовым голосом провозгласил со ступеней:

– Матушка наша самодержица – императрица Екатерина Алексеевна!

Вопли восторга, крики толпы, «ура!» гвардейцев.

И под перезвон колоколов навстречу Екатерине вышло духовенство.

Императрица на потолке улыбалась.

– Как я тебя знаю. Никто так тебя не знал, матушка государыня, – шептал старик.

Карета с закрытыми занавесями, окруженная гвардейцами, подъехала к Ропшинскому дворцу. Впереди на лошади – огромный, тяжелый Алексей Орлов. Из кареты вывели низложенного императора.

– Он дал себя свергнуть легко, как ребенок, которого отсылают спать, – шептал старик.

Петр Федорович входит во дворец. Худенький, жалкий, похожий на мальчика, он совсем потерялся рядом с исполином Орловым. Полуобняв за плечи, Алексей Орлов вводит его в спальню – место заточения.

– Она поручила мне охранять свергнутого императора. Поручила. зная, что Гришка хочет стать ее мужем, – шептал старик – Но пока был жив этот несчастный выродок, ее законный свергнутый муж, Гришка мужем-то стать не мог... И она все-таки поручила его нам. Яснее своей воли не выразишь!

– Позаботься о нем, Алексей Григорьевич, – говорит Екатерина, – муж он мне все-таки. И не должен он терпеть ограничений ни в чем, кроме свободы. Следи, чтоб не обижали.

– Не изволь беспокоиться, волю твою исполню.

Екатерина, не выдержав его взгляда, отворачивается.

Ропшинский дворец окружен гвардейцами. У входа в спальню бывшего императора – гвардейцы со штыками.

– Я запер его в спальне, и этот недавний самодур и деспот сразу превратился в жалкого забитого мальчика. Злодеи не умеют достойно переносить несчастья и слабы духом.

– Я прошу вас привезти мою собаку, мою обезьянку и скрипицу, – подобострастно заглядывая в глаза Орлову, просит Петр.

– Чего ж не привезти? Я привез. Я быстро стал лучшим другом этого дурачка. Иногда я над ним шутил.

В спальне Орлов играл в карты со свергнутым императором.

– Алексей Григорьевич, дозвоьте немного погулять в саду. Душно мне в спальне, какой день без прогулки.

– А чего ж, погуляй, Ваше императорское величество.

И Орлов подмигнул часовым. Петр резво вскочил со стула, по-мальчишески подбежал к дверям. И тотчас часовые скрестили штыки перед его грудью.

– Не пускают, – почти плача, закричал Петр.

– Пропустить императора! – повелительно приказал Орлов.

И опять подмигнул часовым.

И снова Петр опрометью бросился к дверям. И снова солдаты молча скрестили штыки.

– Не слушают! – кричит император.

– Не слушают, – сокрушается Орлов. – Видать, матушка, жена твоя, не слушать тебя им приказала. Вот ведь какое дело, Ваше императорское величество.

– И очень скоро – шестого июля *случилось*... – шептал старик. Упал канделябр, темнота в спальне, яростная возня. и жалкий, слабый крик.

– Горло, горло, – хрипит в темноте Орлов.

– Кончай ублюдка, – пьяно ярится чей-то голос.

И тонкий, задыхающийся вопль. И тишина... только тяжелое дыхание людей в темноте.

Старик плакал – он видел лицо императора, освещенное дрожащим светом свечи, нелепо задранную жалкую ногу в сапоге.

– Прости, Христа ради. Но не расстались мы с тобой, убиенным. Повстречаться пришлось. Это когда государыня умерла. И Павел – сын ее – на престол взошел. Не твой, ее. Потому что сам ты не верил, что он твой сын. И Павел не верил. И оттого сразу, как сел на трон, обществу стал доказывать, что сын он тебе законный, – любовь к отцу стал выказывать.

1796 год.

В Зимнем дворце старик Орлов, в аншефском мундире с шитьем и Андреевской лентой, стоял перед Павлом. Павел глядел на него с яростной улыбкой.

– Решили мы священные останки отца нашего, государя Петра Федоровича, перенести из Александро-Невской лавры туда, где им покоиться надлежит, – в нашу царскую усыпальницу. И захоронить прах отца нашего рядом с супругой его, светлой памяти государыней Екатериной Второй. Торжественная церемония перенесения праха на завтра назначена. И решили мы оказать тебе великую честь – пойдешь за гробом отца нашего. – Павел пронзительно глядел на Орлова. – Впереди гроба должны нести корону императорскую. Ту самую, которую у него отняли. И я все думал, кому сие поручить?.. Да, да, граф, – ты понесешь!

– Великая честь, Ваше величество. Но на длительной службе государыне и отечеству здоровье потерял. Ноги не ходят, а путь длинный.

– Неси! – бешено закричал Павел. И протянул корону на золотой парчовой подушечке. И я понес...

Двигается торжественная процессия. С трудом передвигая ревматические ноги, несет корону на золотой подушечке старый граф Алексей Григорьевич.

– Он думал, – шептал старик, – что я со страху. Потому что холоп. А я... как покаяние...

Он задумался и прошептал:

– А может, потому, что холоп?

И старик вновь вернулся в те счастливые времена после переворота.

– Мы все... все тогда могли. И Гришке путь к августейшему браку был открыт.

Императрица на потолке улыбалась.

Избранный кружок императрицы в Зимнем дворце. Никита Панин, Алексей Орлов и Кирилл Разумовский за ломберным столиком играли в карты.

– Мы всем, всем тогда владели! – шептал умирающий старик.

Григорий Орлов, развалясь, сидит на диване. У него сломана нога. Екатерина заботливо подает ему бокал с вином на серебряном подносе.

Григорий выпил, поставил бокал на поднос, с усмешкой оглядел играющих. И вдруг нежно обратился к императрице:

– Как думаешь, матушка, достаточно мне месяца, чтоб с престола тебя сбросить, коли захочу?

Наступила тишина. Екатерина побледнела, молчала.

И тогда Кирилл Разумовский, продолжая игру, сказал как ни в чем не бывало:

– Что ж, наверное, оно и так, Григорий Григорьевич. Только и трех дней не прошло бы, как мы бы тебя вздернули!

Панин засмеялся, улыбнулась и Екатерина – светски, будто ничего не произошло.

Поняла тогда, что сильна уже не одними нами.

И опять он видел торжествующее лицо Григория.

– Наша взяла, Алеша, дотерзал я ее, пойдет за меня замуж. Все как мечтали мы с тобой. Завтра князя Воронцова посылает к старику графу Алексею Разумовскому. Указ подготовлен – объявить его Императорским высочеством. Чтоб тайный брак его с Елизаветой сделать явным. И тем дорогу к нашему с Катериной браку проложить. Она говорит: прецедент нужен. Но Воронцов против, и Панин против, и Кирилл Разумовский. Езжай с Воронцовым, Алеша. Боюсь одного его пускать. Ведь к царству идем, брат.

Воронцов и Алексей Орлов поднялись по мраморным ступеням Аничкова дворца. Вошли в залу.

У горящего камина, спиной к ним, сидел старый граф Алексей Разумовский. Он сидел сгорбившись, смотрел в огонь. На коленях у него лежало раскрытое Евангелие.

– Мы пришли от государыни, – начал Алексей.

– Не трудитесь, молодые люди, я знаю причину вашего прихода, – сказал старик, не оборачиваясь.

Князь Воронцов торжественно развернул лист, украшенный гербами.

– Вот проект указа, объявляющего вас Императорским высочеством... В обмен я должен получить от вас бумаги, удостоверяющие действительность некоего события.

– Государыне известно, что бумаги о совершении тайного брака у вас есть, – жестко перебил Орлов.

Разумовский молча взял проект указа из рук Воронцова. Пробежал глазами. И молча вернул Воронцову.

Все так же, не произнося ни слова, он поднялся с кресел. Подошел к комоду, на котором стоял ларец черного дерева, окованный серебром. Отпер ларец. Из потайного ящичка вынул бумаги, обвитые розовым атласом. Атлас аккуратно уложил обратно в ларец, а бумаги начал читать, не прерывая молчания. Прочитав бумаги, перекрестился. И бросил их в горящий камин.

– Проклятие, – прошептал Алексей.

Разумовский опустил в кресло и наконец произнес:

– Я был верным рабом Ее величества покойной императрицы Елизаветы. Ничем более. И желаю быть покорным слугой императрицы Екатерины. Просите ее, молодые люди, о благосклонности ко мне.

– Угадал твое тайное желание проклятый царедворец, – шептал старик императрице на потолке, – и ты знала, что он угадает.

Лицо Екатерины. Улыбаясь, она обращается к Алексею Орлову:

– Ну что ж, почтенный старец оказался всех нас умнее. Тайного брака не было, и шепот о нем всегда был для меня противен.

– Вот после того я захворал, да чуть было не помер с обиды за брата..

Лицо Екатерины склонилось над Алексеем.

– Сколько в беспамятстве пролежал. – Она улыбалась благодетельной своей улыбкой. – Доктора вылечить не могут, потому что не знают: богатырь ты – и не можешь жить в праздности. Это брат твой по месяцу кутить может, а тебе без дела нельзя – хворает без дела. Войну с турками начинаю. Тебе флот поручаю – весь флот в архипелаге под твое начало.

Над кораблями взвивается Андреевский флаг.

– Не ошиблась, – шептал старик, – отменно выбирала людишек. Это я, Алешка Орлов, который моря-то прежде не видел, шлюпкой управлять не умел, загнал турецкий флот в Чесменскую бухту и сжег турецкие корабли.

Вопль «ура!» из тысячи глоток. Грохочут пушки.

Картина на стене, изображавшая Чесменскую баталию (как много изображений знаменитого боя развешано по комнатам дворца!), надвинулась на умиравшего старика...

Исполинская фигура Орлова – на адмиральском судне «Три иерарха». Лицо со шрамом, искаженное бешенством, яростью боя.

А потом на том же корабле он увидел.

Григорий Орлов в фантастическом камзоле, усыпанном бриллиантами, стоял на палубе.

– Гришка?! Ну, красавец! Ну, враг!.. Ты тут зачем?

Они обнялись.

– Матушка послала – мир добыть у турок.

– И ты... ее оставил?! Оставил Петербург? С ума спрыгнул?

– Глупец ты, Алеша. Я – все для нее! Я ей руку на спину положу – и уж обмерла. Баба, одно слово! Знаешь, как она величала меня, посылая?.. «Ангел».. «Посылаю ангела мира к этим страшным бороатым туркам».

И он захохотал.

– Прост ты, Гриша, ох как прост. Неужто не понял, что случилось? Она нас обоих из Петербурга отослала!

Но Григорий только смеялся.

А потом он получил пакет из Петербурга.

Григорий читает письмо – в бешенстве комкает бумагу, топчет ногами. И крик, вопль:

– Лошаде-е-ей!!

И уж карета мчит через всю Россию.

– Гони, гони, – вопит из кареты обезумевший Григорий.

– Куда гнать-то, милоч? Во дворце уже другой! – усмехнулся старик.

Улыбающееся благосклонной улыбкой лицо Екатерины.

– Я многим обязана семье Орловых. И осыпала их за то богатством и почестями. И всегда буду им покровительствовать. Но мое решение неизменно. Я терпела одиннадцать лет! И теперь хочу жить, как мне вздумается. И вполне независимо.

– Уже появился во дворце другой Гришка – Потемкин. Главный фаворит. Это мы его во дворец ввели когда-то. И за то ненавидел он нас – ох ненавидел! И мы его.

– Что касается вас, Алексей Григорьевич, расположение мое к вам неизменно. Вы по-прежнему являетесь начальствующим над нашим флотом в Средиземном море. И никто по-прежнему не вправе требовать ни в чем у вас отчета. Надеюсь, что пребывание ваше в Италии и впредь будет столь же приятным, – улыбнулась с портрета Екатерина.

– Это был приказ: сидеть в Италии, а в Петербург ни ногой. Боялась нас матушка, – засмеялся старик, – Гришку-брата целый год в Петербург не пускала. Потом пустила. А меня – нет. Двое Орловых – слишком много для одного Санкт-Петербурга! Крепко запомнила...

Лицо Григория:

– Как думаешь, матушка, достаточно мне месяца, чтобы сбросить тебя с престола, коли захочу?..

– И вот *тогда*, в Италии. – прошептал умирающий старик.

Екатерина усмехнулась на портрете.

– Никого. Никого ты не любила. ни Гришку Потемкина, ни Гришку-брата. ни всех бесчисленных твоих любимцев случая. И я тогда никого не любил. И оттого мы так хорошо понимали друг друга. пока *тогда в Италии*...

Старик вновь увидел лицо той женщины.

Она склонилась над постелью...

Его сын наклонился над постелью – Александр Чесменский, незаконный сын.

– Папенька, Александр пришел. – сказала Анна.

– И румянец у него чахоточный, – беззвучно шептал старик, – *ее* румянец.

– Он не узнаёт, – жалко сказала Анна молодому человеку, – побудьте пока в той комнате, Александр.

– Впору причащать, – сказал сзади Изотов.

– За митрополитом Платоном послали, – пролепетала Анна.

– Тогда в Италии. Тогда в Италии. – шептал старик. – Сколько же я не видел тебя?

Тридцать три года. Цифра-то особая.

Женщина шла к нему из темноты.

– Он что-то просит, – беспомощно обратилась к Изотову Анна.

– Шандал велят подвинуть, – сказал Изотов, глядя на шевелящиеся губы графа.

Старый сержант поднял бронзовый шандал с экраном, стоявший на бюро.

Перенес к постели. И зажег свечу. На экране проступило изображение *той* женщины. Она сидела у камина и глядела в серебряный таз. В тазу плавали кораблики с зажженными свечами.

Вошел слуга и тихо сказал Анне:

– Митрополит Платон больны-с... Велели сообщить – викария своего пришлют.

– Не захотел!.. Не захотел! – в ужасе шептала Анна.

Старик глядел на экран.

И кораблики в тазу превращались в огромные корабли. Она стояла на палубе, как тогда. В том же плаще с капюшоном, надвинутым на лицо.

Она сбросила капюшон – и страшные, беспощадные, горящие глаза уставились на графа.

Старик захрипел.

26 декабря 1807 года.

Величественный старец сидел за грубой, старинной работы конторкой – митрополит Московский и Коломенский Платон, автор знаменитой «Краткой русской церковной истории». «Этим трудом он достойно завершил XVIII век и благословил век XIX» – так оценил его сочинение великий историк Сергей Михайлович Соловьев.

Митрополит обмакнул перо и записал: «26 декабря 1807 года. Граф Орлов умер. Меня присылали звать. Но мог ли я согласиться по слабости моей?»..

Действующие лица: Она

Был сентябрь 1774 года. В Ливорно на рейде выстроились корабли русской эскадры. Ветер – ветер в парусах кораблей, и белые трепещущие крылья чаек, и трепещущие флаги.

И заполнившая набережную вечная итальянская толпа жестикулирует, хохочет. В разноцветной толпе темнеют широкополые шляпы и черные плащи художников. Похожие на карбонариев, они сидят за мольбертами.

Но вот притихла толпа – все смотрят в море: ждут.

Главнокомандующий русской эскадрой граф Алексей Григорьевич Орлов устраивает небывалое зрелище – «Повторение Чесменского боя».

Дымок на борту адмиральского судна «Три иерарха» – ударила пушка. И загорелся фрегат «Гром», изображавший корабль турок. Крик восторга пронесся в толпе. С набережной было видно, как забегали по палубе «Грома» матросы, пытаясь тушить огонь.

И опять показался дымок на адмиральском корабле, и опять ударила пушка. «Гром» пылал, охваченный пламенем с обоих бортов.

Толпа неистовствовала.

Карета, запряженная парой великолепных белых рысаков, въехала на набережную. Слуга распахнул дверцы, украшенные гербами, и в белом камзоле с золотым шитьем восторженной толпе явился сам Главнокомандующий.

Граф почтительно помог выйти из кареты белокурой красавице в пурпурной тунике. Это Кора Олимпиада, итальянская поэтесса, увенчанная лаврами Петрарки и Тассо в римском Капитолии, очередная страсть графа. Злые языки утверждают, что сегодняшнее зрелище устроено по прихоти романтической дамы.

Рукоплещущая толпа окружила графа и поэтессу. Простерши руки к морю, белокурая красавица начинает читать стихи Гомера о гибели Трои...

Кровавая туника на фоне моря, горящего фрегата. Божественные звуки эллинской речи. Капризный чувственный рот поэтессы.

Орлов с нетерпением слушал чтение.

Шлюпка уже ждала Главнокомандующего и его подругу, когда рядом с графом возник человек в сером камзоле и широкополой шляпе – сэр Эдуард Монтегю, знаменитый английский путешественник по Арабскому Востоку.

– Позвольте засвидетельствовать самый искренний восторг, граф. Мы видим перед собой картину великого Чесменского боя. И воочию!

– Всего лишь маленький эпизод. – Граф улыбнулся. – В том бою, милорд, был ад крошечный – стоял такой жар от горящих кораблей, что на лицах лопалась кожа.

– В себя не могу прийти! Жечь корабли, чтобы несколько живописцев и одна поэтесса смогли увидеть великое прошлое? Поступок истинного ценителя муз и, конечно, русского барина! У нас, европейцев, кишка тонка!

Желваки заходили на скулах – Орлов нахмурился.

– Ничего, мои матросики сами подожгут, да сами и потушат. В огне учу новобранцев, милорд. Оттого и флот наш победоносен.

И Орлов приготовился покинуть докучливого англичанина, но тот с вечной насмешливой своей улыбкой уже протягивал ему пакет:

– Осмелюсь передать вам это.

Орлов вопросительно взглянул на англичанина.

– К сожалению, граф, мне не велено открыть имя таинственного отправителя. – И добавил лукаво: – Но я проделал путь из Венеции в Ливорно только чтобы выполнить это поручение. Отсюда вы можете заключить, что отправитель... – И Монтегю улыбнулся.

– Женщина, – засмеялся Орлов.

– И поверьте, прекрасная! Ваши успехи у дам заставляют меня с трепетом передавать вам ее письмо. Но что делать – желание повелительницы... – Он вздохнул, и опять было непонятно, издевается он или говорит всерьез. – Да, граф, страсти движут миром – они заставляют одного трястись по пыльной дороге из Венеции в Ливорно, другого жечь корабли. Засим разрешите откланяться.

– Передайте таинственной даме... – начал было граф.

– Сожалею, но вряд ли ее увижу. Я возвращаюсь в Венецию лишь затем, чтобы на рассвете отправиться на свой возлюбленный Восток. Пора! Засиделся в Италии. Все против, и особенно мать. Как все немолодые холостяки, я до сих пор ее слушаюсь. (Его мать, леди Мэри, была одной из знаменитейших писательниц века.) Прощайте. Мои лучшие пожелания в Петербурге другу моему графу Никите Панину. Мы с ним дружили, когда он был послом в Стокгольме. Мудрейший человек..

Хитрый англичанин, конечно, знал, что Панин принадлежал дворцовой партии, много сделавшей для падения Орловых. Орлов оценил укол.

– Завидую людям, у которых нежные матери, – сказал граф. – О заботливости матери вашего друга Панина ходили легенды. Каждый вечер она обращалась к Богу с одной молитвой: «Господи, отними все у всех. И отдай моим сыновьям».

Граф раскланялся и пошел к начинавшей терять терпение поэтессе. Он помог ей спуститься в шлюпку.

На адмиральском судне «Три иерарха» графа встретил контр-адмирал Грейг.

Зарядили пушку. Граф скомандовал. И очередной снаряд поразил горящий «Гром».

– Шлюпку на воду— спасти несчастных «турок», – распорядился граф.

– Жаль, что фрегат спасти невозможно, – усмехнулся Грейг.

– Отпишите в Петербург: «Сгорел во время учений».

Объятый огнем «Гром» погружался в море.

Оставив поэтессу на корме читать Гомера, Орлов удалился в каюту.

В каюте он вскрыл объемистое послание.

– Проклятие! Здесь по-французски, – пробормотал граф, вынимая многочисленные листы.

Поразительно! Граф не знал французского. И это при том, что высшее русское общество разговаривало только по-французски.

Но граф, выучивший немецкий и итальянский, учить французский отказался. Французский двор был главным врагом России. И в этом нежелании был как бы вызов, патриотизм графа.

Граф перелистал непонятные бумаги. Посмотрел на подпись под посланием. И лицо его изменилось. Он схватил колокольчик и позвонил. Вошел матрос.

– Христенека ко мне. И немедленно!

Граф нетерпеливо мерил шагами каюту, когда вошел Христенек.

Генеральс-адъютант (Главный адъютант) лейтенант Иван Христенек был серб, взятый Орловым на русскую службу. Граф имел право набирать себе людей в Италии и производить их в чины. Особенно много офицеров он набрал среди единоверцев – славян.

– Переведи. – Граф указал на письмо, лежащее на столе. Христенек взял листы, и на его лице появилось изумление.

– Но это... – начал он еле слышно, – завещание покойной императрицы Елизаветы?..

– Завещание потом, сначала письмо, – в страшном нетерпении приказал Орлов.

– Здесь есть еще «Манифест к русскому флоту Елизаветы Второй Всероссийской».

– Письмо! – прорычал Орлов.

– «Милостивый государь граф Алексей Григорьевич! – начал переводить письмо Христенек. – Принцесса Елизавета Вторая Всероссийская желает знать, чью сторону примете вы при настоящих обстоятельствах. Духовное завещание матери моей, блаженной памяти императрицы Елизаветы Петровны, составленное в пользу дочери ее, цело и находится в надежных руках».

Христенек остановился.

– Дальше, – последовал нетерпеливый окрик графа.

– «Я не могла доселе обнародовать свой манифест, потому что находилась в Сибири, где была отравлена ядом. Теперь, когда русский народ готов поддержать законные права наследницы престола, я признала благовременным торжественно объявить, что нам принадлежат все права на похищенный у нас престол. И в непродолжительном времени мы обнародуем духовное завещание блаженной памяти матери нашей императрицы Елизаветы».

Граф мерил огромными шагами кабинет:

– Послать за Рибасом!

Христенек торопливо распорядился насчет Рибаса. И продолжал чтение:

– «Долг, честь и ваша слава – все обязывает стать в ряды наших приверженцев. При сем нужным считаю присовокупить, что все попытки против нас безуспешны, ибо мы безопасны и находимся на турецкой Его величества эскадре султана, союзника нашего», – читал Христенек.

– Ну это, Ваше сиятельство, она врет... у нас с султаном мир уже решен и султан сейчас ее к себе не пустит.

Это произнес молодой офицер.

Он как-то неслышно вошел и уже несколько минут незамеченный пребывал в комнате. Поражало его лицо: хищный нос – и добродушная, простоватая, располагающая улыбка.

Это был Иосиф Рибас, испанец, один из интереснейших людей своего времени. Сын кузнеца из Барселоны, он служил в Неаполе, но по каким-то причинам вынужден был оттуда бежать. Был взят Орловым на русскую службу. Осип Михайлович, как теперь именовался Иосиф Рибас, использовался Орловым для самых секретных поручений. Считался одним из хитрейших людей своего времени. Когда Суворов хотел описать хитрость Кутузова, он сказал: «Его даже Рибас не проведет!» Впоследствии стал адмиралом и участвовал в основании Одессы.

– «Время действовать, – продолжал читать письмо Христенек – Иначе русский народ погибнет. При виде бедствий народа сострадательное сердце наше».

– Полно читать воровское послание!.. Как подписано?

– «Елизавета Вторая Всероссийская», – прочел Христенек.

Орлов опять принялся ходить по каюте:

– Мне нужны все сведения об этой женщине.

– Ее видел наш майор. Месяца три назад он был проездом в Венеции, – сказал Рибас.

– Как? Значит, о ней давно известно? И мне ничего не сказали? Зачем держу вас на службе?!

– Но я думал, – начал Христенек.

– Что?!

– Я думал, вы знаете, Ваше сиятельство, столько слухов о ней. И в газетах.

– Слухи, газеты – ваша работа. А у меня – флот!

– Виноваты, Ваше сиятельство.

– Она уже ко мне смеет писать!..

И тут Орлов остановился, будто пораженный внезапной мыслью. Наконец он сказал:

– А коли это не она?! Не она писала?

Христенек уставился на графа.

– Ох, хитрецы, – опять зашагал по каюте граф. – Недаром Монтегю с графом Паниным дружбу водит... А если от имени злодейки сие послание мои враги из Петербурга составили? Верность мою государыне проверить решили? А то и хуже: уж не хотят ли попросту опорочить меня перед императрицей?.. Немедля! Немедля узнать, где эта женщина! И придется связаться с нею, чтоб обличить происки врагов моих!

Граф посмотрел на молчащего Рибаса и кратко спросил:

– Где она?

Рибас не удивился – он будто ждал этого вопроса.

– Думаю, в Рагузе. По последним слухам.

– Мне уже не нужны слухи, Осип Михайлович, коли есть человек, который это знает точно.

– Кто этот человек, Ваше сиятельство?

– Его зовут сэр Монтегю. Он сейчас скачет в коляске по дороге в Венецию.

Рибас молча поднялся.

Действующие лица: Рибас

Рибас скакал на коне по дороге, ведущей в Венецию. Солнце садилось, спала жара, дул свежий ветер с моря. Маленький городок со старым собором дремал на горе в заходящем солнце. Но Рибасу было не до красот – он гнал, гнал коня по дороге. «Как интересно, – размышлял Рибас. – Он сделал вид, что слышит об этой женщине впервые. А о ней, почитай, полгода пишут во всех газетах, говорят во всех салонах. Конечно, знал. Более того, предполагал, что она к нему обратится. А к кому ж ей еще обратиться? Он самый могущественный и самый опальный. В его распоряжении – флот и немыслимые суммы денег. Он может ради прихоти потопить фрегат. И притом ему запрещено то, что дозволено всякому, – вернуться на родину. Говорят, есть приказ: задержать его на границе, коли он без дозволения императрицы».

Рибас взгляделся: далеко-далеко по дороге ехала карета. Рибас прищипил коня.

– «Итак, он знал, – продолжал размышлять Рибас. – А следовательно, план имел. Часть первую плана он сегодня высказал: проведать, где она, с ней связаться. Для чего? Он решил-де проверить: не задумали ли его опорочить перед императрицей?.. Ну, если он действительно этого боится, ему как раз опасно с ней встречаться. Нет, на самом деле этот человек никого не боится – ни Бога, ни черта... Уж не выиграло ли ретивое: одну императрицу он на трон уже посадил?.. Ох, Рибас, будь осторожен: ты должен понять всю игру, прежде чем в ней участвовать».

Карета сэра Эдуарда Монтегю мчалась в Венецию. Далеко по дороге показался всадник. Всадник приближался.

– По-моему, нас догоняют, сэр, – сказал лакей с запяток

– И по-моему, тоже: нас догоняют, – невозмутимо ответили из кареты.

Рибас поравнялся с коляской.

– Остановитесь, милорд! У меня поручение от Его сиятельства графа Орлова!

Монтегю не отвечал и внимательно разглядывал Рибаса из окна кареты. Некоторое время они ехали рядом молча. Рибас тяжело дышал, но продолжал гнать вперед лошадь.

– К сожалению, я не имею возможности остановиться, мой молодой друг, – наконец произнес Монтегю из окна кареты, – ибо спешу в Венецию. Но я готов выслушать вас по пути. – И вечная издевательская улыбка появилась на лице англичанина.

– Граф приказал узнать, милорд, где находится автор послания, которое вы соизволили передать?

– Вы, кажется, в России иностранец, господин. – И он вопросительно посмотрел на всадника.

– Рибас.

– Сейчас много иностранцев, господин Рибас, на русской службе. Им граф может приказывать. А я пока не имею чести.

И Монтегю скомандовал:

– Вперед!

Форейтор ударил по лошадям, карета понеслась по дороге. Рибас тоже прищипил лошадь, продолжая беседовать с англичанином.

– Мне необходимо, милорд. – Он задыхался. – Я не могу вернуться без сведений.

– Какое интересное положение: вы не можете вернуться без сведений. А я не могу их вам дать. Как же нам быть, милейший?

Рибас улыбнулся.

И выхватил пистолет.

Коляска становилась.

– Посмотрите назад, – улыбнулся англичанин.

С запяток на Рибаса смотрело дуло пистолета.

Рибас расхохотался:

– Значит, остается проверить, кто выстрелит первым. Если я – умрете вы, если одновременно – умрем мы оба, и лишь в третьем случае умру один я. Так как у меня нет иного выхода, я вынужден буду это проверить. Но у вас-то есть: всего одно слово. И вы спасаете, по крайней мере, одного из нас... Я не шучу, милорд.

После некоторого молчания из коляски ответили:

– Вы далеко пойдете, господин Рибас... Она – в Рагузе.

И коляска покатила по дороге.

После демонстрации Чесменского боя перед восхищенными жителями Ливорно Орлов уехал в Пизу. Ливорно давно ему наскучил, и великолепный граф жил в Пизе в восхитительном палаццо Нерви.

В кабинете граф беседовал с Рибасом.

– На обратном пути я завернул в Ливорно, – докладывал Рибас, – и проверил сообщение англичанина. Дело в том, что в Ливорно находится сейчас наш давний друг – рагузский сенатор Реджина. Сенатор подтвердил: сия женщина действительно сейчас в Рагузе.

Рагуза (ныне Дубровник) – маленькое государство на Адриатическом море, подобное Венеции. «Свободные дети свободной матери Рагузы» торговали по всему свету. Рагуза издавна находилась под протекторатом турок. В 1772 году граф Орлов со своей эскадрой вошел в воды республики и потребовал отказа от турецкого протектората. Боясь турок, сенат не согласился. Орлов заявил, что будет бомбардировать древний город. Испуганный сенат отправил депутацию в Петербург. Екатерина послов не приняла, но бомбардировку отменила.

– В Рагузу, – продолжал Рибас, – ее привел случай. Вместе с польским воеводой князем Радзивиллом она плыла из Венеции в Турцию к султану, с каковым имела намерение соединиться. Но сильные ветра отнесли ее в рагузскую гавань. Нынче по причине нашего мира с Турцией вновь отправиться к султану ей никак невозможно. И она обитает в Рагузе. Хотя рагузский сенат, напуганный вами, Ваше сиятельство, делает все возможное, чтобы она оттуда убралась. Страх сената столь велик, что сенаторы даже отписали в Петербург о появлении сей женщины.

– Вот так! – захохотал Орлов. – Значит, уже и в Петербурге о ней знают. Мы узнаем последние. Зачем держу вас на службе?

– Из Петербурга ответили, что нет никакой надобности обращать внимание на побродяжку.

– Узнаю благодушие графа Панина!

Христенек ввел в залу жизнерадостного толстого господина в мундире майора.

– Тучков второй, – представился майор.

– Значит, видел ее в Венеции? – спросил Орлов.

– Точно так, Ваше сиятельство. Она жила в доме самого французского посла.

– Ну, как же без французов-то обойтись? – усмехнулся Орлов.

– Сей посол оказывал ей знаки внимания, почитай, как царствующей особе. С ней общались сам польский князь Карл Радзивилл и граф Потоцкий. Много с ней понаехало поляков. Все с усищами, саблями гремят. Скоро, говорят, будем с нашей принцессой Всероссийской на Москве, как с царевичем Дмитрием. И другие пакостные слова, повторять не хочу.

– И не надо повторять... ты лучше про дело рассказывай.

– Познакомился я там с двумя поляками: с Черномским и Доманским. Усищи у них.

– Ну, про усищи ты уже говорил.

– Садился я с ними в карты играть.

– Все проиграл? – усмехнулся Орлов.

Майор вздохнул:

– Там был еще француз маркиз де Марин, ох злой до карт мужчина. Он при ней служит. Обобрал он меня дочиста. И вот тут она и вошла. Вошла. за ней гофмаршал идет, потому что она еще и герцогиней будет.

– Подожди, – прервал Христенек, – ты же говорил, что ее кличут принцессой Всероссийской.

– Это по происхождению тайному она вроде бы принцесса Всероссийская, а по жениху – замуж она готовится – она еще и герцогиня. Поляки кричат мне: целуй-де ручку у своей законной повелительницы, а я только плюнул. Тьфу – вот вам и весь мой ответ.

Он замолчал.

– И все? – усмехнулся Орлов.

– И все, Ваше сиятельство. Спасибо ноги унес, а то б зарубили.

– Ну что ж, ответил хорошо. Узнал мало, вот что плохо, – мрачно сказал Орлов. – Ну, и как она с лица?

– Худого не скажу. Красавица. Волосы темные, глазищи горят. И ни на секунду не присядет, все движется, все бежит.

– Понравилась? – усмехнулся Орлов.

– Только в оба и гляди, а то обольстит, – засмеялся майор, – но худа уж больно, пышности в теле никакой.

После ухода майора Орлов сказал:

– Чую, получим мы еще одного Пугачева в юбке, пока граф Панин благодушествует.

И приказал Христенку:

– Пиши.

Граф начал диктовать, расхаживая по комнате:

– «Всемиловитейшая государыня! Два наимилостивейших Ваших писания имел счастье получить. С благополучным миром с турками Ваше императорское величество, мать всей России, имею счастье поздравить. Угодно Вашему величеству узнать, как откликнулись министры чужестранные на весть о мире...».

Орлов остановился и сказал Христенку:

– В своем письме к нам государыня предполагает, как они должны откликнуться. Вот это все дословно в наше письмо и перепиши. Ибо, что матушка предполагает, то и правда.

И он продолжил диктовать:

– «На днях, матушка, получил я письмо от неизвестного лица, о чем хочу тебе незамедлительно донести. Сие письмо прилагаю, из коего все ясно видно. Почитай письмо внимательно, матушка, помнится, что и от Пугачева воровские письма очень сходились сему письму. Я не знаю, есть ли такая женщина или нет. Но буде есть, я б навязал ей камень на шею, да и в воду. Я ж на оное письмо ничего не ответил, но вот мое мнение: *если вправду окажется, что есть такая суматошная, постараюсь заманить ее на корабль и потом отошлю прямо в Кронштадт*. Повергаю себя к священным стопам Вашим и пребуду навсегда с искренней моей рабской преданностью».

«Как повернул, – с восхищением думал Рибас. – И уже забыты враги, которые хотят его опорочить! Теперь, оказывается, он решил свидеться с нею – только чтоб заманить ее на корабль!.. И все, что он будет делать, чтобы свидеться с суматошной, есть лишь служение императрице. Но как же он хочет с нею свидеться!»

На лице Рибаса было искреннее восхищение.

Орлов вдруг пристально посмотрел на Рибаса и сказал:

– Ох, Рибас, хитрый испанец, боюсь, повесят тебя когда-нибудь!

– Сильного повесят, слабого убьют, а хитрого сделают предводителем. Это у нас пословица, Ваше сиятельство, – улыбнулся Рибас.

– Итак, Осип Михайлович, – прервал его граф, – ты отправляешься в Рагузу. И все, все о ней разузнаешь. Откуда она родом?.. Кто с ней в заговоре?.. С кем в отечестве нашем связана?.. Но главное – кто она? Ты понял? Я все должен знать. На глаза ей не попадайся! И будь осторожен.

– Я всегда осторожен, Ваше сиятельство, когда имею дело с женщиной. Ибо женщина есть сосуд греха. Мой отец всегда говорил: «Женишься – бей жену». А я, дурак, спрашивал: «За что ж ее бить, коли я ничего плохого о ней не знаю?» – «Ничего, – отвечал отец, – она знает!»

Действующие лица: Екатерина. Рабочий день императрицы

Грязный сумрак петербургского утра в ноябре 1774 года.

В Зимнем дворце, в личных покоях императрицы, в огромной постели спит немолодая женщина, Ангальт-Цербстская принцесса Софья Августа Фредерика, известная под именем русской императрицы Екатерины Второй.

Сейчас ей сорок пять лет. Она родилась в Штеттине, где ее отец, один из бесчисленных немецких принцев, был командиром полка на прусской службе. В четырнадцать лет она была привезена в Россию и выдана замуж за голштинского принца Петра Ульриха, объявленного императрицей Елизаветой наследником русского престола Петром Федоровичем. Софья Фредерика также приняла православие и стала именоваться благоверной Екатериной Алексеевной.

Двенадцать лет назад женщина, спящая сейчас в постели, устроила дворцовый переворот. И стала править Россией под именем Екатерины Второй.

Дворцовый звонарь пробил шесть раз в колокол.

Екатерина встает с постели.

День императрицы начинался всегда в одно и то же время – в шесть утра.

Екатерина подходит к корзине рядом с кроватью: на розовых подушечках с кружевами спит собачье семейство – две крохотные английские левретки.

Четыре года назад Екатерина первой в России согласилась привить себе оспу. И тем подать пример подданным. Это был поступок, ибо последствия его были недостаточно известны. Но просвещенная императрица обязана была так поступить. И она рискнула – к восторгу своих друзей – французских философов. В память этого события английский доктор, прививший оспу, подарил ей собачек.

Екатерина будит собачек, кормит их печеньем из серебряной вазочки. Левретки сонно едят...

Пожилая некрасивая женщина входит в спальню. Это знаменитая Марья Саввишна Перекусихина – первая камер-фрау ее величества, наперсница и хранительница всех тайн. Она первой узнавала о падении одного фаворита и появлении другого. Она – глаза и уши императрицы во дворце.

– Ну, где же эта Катерина Ивановна? – раздраженно спрашивает Марью Саввишну Екатерина. – Мы ждем ее уже десять минут.

– И что это ты с утра разворчалась, матушка? – строго отвечает Марья Саввишна.

Екатерина покорно улыбается, с нежностью смотрит на Марью Саввишну – той дозволяется так разговаривать с императрицей, с ней Екатерина с удовольствием чувствует себя вновь маленькой девочкой.

«Никого у меня нет ближе этой простой, полуграмотной женщины. Я знаю: она любит меня. В наш век, когда мужчины так похожи на женщин и готовы продать себя за карьеру при дворе, – сколько знатных куртизанов сваталось к Марье Саввишне! Она всем отказала. Не захотела меня бросить... Когда я болею, она ухаживает за мной. А когда она болеет, я не отхожу от нее. Недавно мы заболели обе. Но она лежала в беспамятстве. И я в горячке плелась до ее постели. И выходила! Ибо коли она помрет – у меня никого!»

С золоченым тазом и золоченой чашей для умывания входит заспанная калмычка Катерина Ивановна.

Екатерина сердито вырывает у нее из рук чашку и начинает мыться.

– Заспалась я, матушка, что ж поделаешь, – вздыхает молодая калмычка.

– Ничего, ничего! Выйдешь замуж, вспомнишь меня. Муж на меня походить не будет, он тебе покажет, что значит запаздывать, – говорит Екатерина, торопливо умываясь.

Собачки бегают под ногами.

Эта сцена повторится и завтра, и послезавтра. Но калмычку Екатерина не гонит, Екатерина терпелива и вежлива со слугами. Она не забывает, что еще недавно хотела отменить крепостное право. Но не отменила.

– Будьте добры, Катерина Ивановна, пусть не позабудут принести табакерку и положить в нее табак моего любимого.

Шесть часов двадцать минут утра на больших малахитовых часах. Екатерина перешла в рабочий кабинет. Быстро выпивает чашечку кофе с сухарями и кормит собак. Собачки сладострастно поедают сухари и сливки.

– А теперь идите с Богом.

Уходят калмычка и камер-фрау. Екатерина выпускает собак погулять. Запирает дверь. Садится к столу.

Теперь время ее личной работы. В эти три часа, до девяти утра, она обычно пишет письма своим любимым адресатам – Вольтеру, Руссо и барону Гримму. Или делает наброски для мемуаров... Или пишет пьесы. Говорят, у ее пьес есть тайный соавтор – писатель Новиков, последователь Вольтера, просветитель. Пройдет время, и императрица посадит своего соавтора в тюрьму. Ибо к тому времени произойдет французская революция, и взгляды просвещенной императрицы переменятся. А писатель Новиков не сумеет переменить своих взглядов. Неповоротливый литератор!

Напевая мелодию французской песенки, Екатерина начинает писать свои письма.

Она в отличном настроении. Ужас последних лет – позади.

«Какие это были годы: Франция толкнула Турцию на войну. Я одерживала победу за победой, но Версаль заставлял султана продолжать кровопролитие. Польша бунтовала. Недавно меня просили предсказать, что станет со странами Европы через тысячу лет. Против слова «Польша» я написала лишь одно слово: «Бунтует». Шляхта! Они не захотели королем друга нашего Понятовского – начали бунт. И чего добились? Пруссия и австрийский двор предложили мне поделить польские земли, пока шляхта убивает друг дружку в междоусобию. И пришлось. Иначе раздел случился бы без меня. А тут и подоспел Пугачев: полдержавы было охвачено бунтом. Благодарение Богу – со всем совладали. Победный мир с турками заключен. И разбойник схвачен и ждет казни. А год назад качались на виселицах дворяне – и ждали прихода кровавых мужиков в Москву».

Екатерина отложила перо, взяла листок бумаги со стола – письмо от нового фаворита Григория Потемкина.

Читает с нежной улыбкой. И по привычке делает пометы на любовном письме, как на государственной бумаге.

«Дозволь, голубушка, сказать то, о чем думаю», – читает Екатерина.

«Дозволяю», – пишет на полях.

«Не дивись, что беспокоюсь в деле любви нашей».

«Будь спокоен», – пишет Екатерина на письме.

«Сверх бесчисленных благодеяний ко мне поместила ты меня у себя в сердце. И хочу я быть тут один».

«Есть и будешь», – пишет Екатерина.

«Потому, что тебя никто так не любил».

«Вижу и верю».

«Помни: я дело рук твоих и желаю, чтобы покой мой был тобой устроен. Аминь».

«Дай успокоиться чувствам, дабы они сами могли действовать, – пишет на любовном послании свое резюме Екатерина, – они нежны и, поверь, отыщут лучшую дорогу. Аминь».

Она вздохнула:

– Я извожу так много перьев, что слуги очень сердятся, потому что я все время прошу новые: я обожаю писать...

Она открывает табакерку с портретом Петра Великого и с наслаждением нюхает табак. Теперь пора приняться за главное. Сегодня она приступает к важнейшему труду – начинает свои мемуары. Она будет писать их всю жизнь на клочках бумаги, чтобы потом соединить вместе. Но так и не соединит. Эти мемуары она пишет для Павла – сына ее и свергнутого ею императора. В них – ее оправдание.

Она расхаживает по комнате:

– С чего начать? Начать с эпитафии: «Счастье не так слепо, как обыкновенно думают люди. Чаще всего счастье бывает результатом личных качеств, характера и поведения. Чтобы лучше это доказать, я возьму два разительных примера: я и супруг мой, Петр Третий и Екатерина Вторая. Я вышла замуж, когда мне было четырнадцать лет, а ему было шестнадцать, но он был очень ребячлив».

Девочка идет навстречу мальчику в золотом камзоле, она смотрит на него испуганными глазами. А он вдруг показывает ей язык и хохочет.

Девочка и мальчик открывают бал. Они танцуют менуэт.

А потом его увозили.

Огромная фигура Орлова на лошади. Карета с опущенными шторами, окруженная гвардейцами. До сих пор это снится ей по ночам.

Екатерина расхаживает по кабинету.

«Я не хотела его смерти, как не хотела раздела несчастной Польши, но... Ты должен понять, мой сын: когда я восприняла престол, флот был в упущении, армия в расстройстве, 17 миллионов государственного долга и 200 тысяч крестьян находились в открытом бунте. Но главное бедствие было – шатание в умах. Ибо на русской земле находились целых три государя. Я люблю эту страну, я обожаю ее язык. Я преклоняюсь перед физическими чертами русских – их статью, их лицами. Я считаю русскую армию лучшей в мире. Я всем сердцем приняла религию этой страны. Я ходила пешком на богомолье в Ростов. Я ненавижу в себе все немецкое. Даже своему единственному брату я запретила навещать меня в России. Я сказала: «В России и так много немцев». И сказала чистосердечно, потому что давно не чувствую себя немкой. Но я по-прежнему оставалась немкой, захватившей трон... пока эти два императора существовали. Два лакомых кусочка для всякого рода авантюристов».

По камере разгуливает тщедушный молодой человек. Входит тюремщик с едой. Молодой человек глядит на еду и лает.

«Один император – Иоанн Антонович, свергнутый в младенчестве императрицей Елизаветой, уже двадцать лет сидел в Шлиссельбурге. А другой свергнутый император – мой муж Петр Федорович».

– Не изволь беспокоиться, матушка. Волю твою исполним, – усмехается Алексей Орлов.

Дворец в Ропше. В спальне Алексей Орлов играет в карты с императором. Вокруг сидят гвардейские офицеры.

«Я знала, что в Ропше собралось много гвардейцев: князь Барятинский, Потемкин, Энгельгардт, актер Волков. Но я не знала, зачем они там. И до сих пор не знаю, что там произошло. Просто 6 июля прискакал князь Барятинский».

Барятинский вбегает в кабинет императрицы.

Бухнулся в ноги, ползая по полу, пьяно, со слезами кричит:

– Беда, государыня!

«Он был совсем пьян!»

Барятинский, ползая по полу, выкрикивает, обливаясь пьяными слезами:

– Не виновны, матушка. Нервен он был. Игра у нас была. Нервен он был. Лакея грыз. Потом на Алешку Орлова набросился. Все отписал тебе Алешка как есть. Все отписал. Смилуйся, матушка!

И Барятинский сует Екатерине скомканную бумагу.

Екатерина подошла к столу и вынула из шкатулки мятый пожелтевший листок.

«Сохраняю эту нечистую бумагу с кривыми каракулями, всю дышащую безумством и бешенством. Надеюсь, когда ты прочтешь ее, мой сын, она станет оправданием твоей матери».

В который раз она перечитывает страшный листок:

«Матушка, милосердная государыня! Как мне изъяснить и описать, что случилось. Поверь верному своему рабу. Но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть! Но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал. Да и как нам задумать – поднять руки на государя! Но свершилась беда: он заспорил за столом с князем Федором Барятинским. Не успели мы разнять, а его уж не стало. Сами не помнили, что делали. Все до единого виноваты. Достойны казни. Прости или прикажи скорее кончить. Свет не мил Прогневали тебя и погубили души свои навек...».

– Я не могла их наказать, они были тогда сильны, – она почти кричит. – Я не могла их наказать!..

Она стоит в черном платье, окруженная сенаторами.

«Я была в непритворном соболезовании и слезах о столь скорой смерти императора, ибо всегда имела непамятозлобивое сердце. Никита Иванович Панин и Сенат просили меня не предаваться горю и не присутствовать на погребении, чтобы не подорвать здоровье, столь нужное тогда отечеству. И мне пришлось повиноваться приказу Сената. К сожалению, сразу после погребения начались неосновательные толки. Каковые родили потом злодея Пугачева, объявившего себя усопшим императором».

И вновь Екатерина положила перо. Расхаживает по кабинету.

«Помни, сын мой: правителю нужна решительность. Чтобы свершать, что должно, и что порой так не хочешь свершать. Решительность – вот главное качество счастливого человека. Нерешительны только несчастные и слабоумные».

Тщедушный молодой человек ходит кругами по камере. Ходит яростно, как зверь в клетке.

«И со вторым императором как-то само разрешилось. Я поехала навестить его в Шлиссельбург, чтобы облегчить участь несчастного».

В камере – Екатерина, тюремщик поручик Чекин и тот самый тщедушный молодой человек.

С печалью глядит Екатерина благодетельным своим взглядом на молодого человека.

– Встать перед императором! – вдруг кричит ей молодой человек.

Екатерина будто не слышит и продолжает грустно смотреть на него.

– Ты права. У меня только тело Иоанна, назначенного императором Всероссийским. А душа у меня святого Георгия. Потому вас, мерзейших тварей, видеть не желаю.

И вдруг истошно закричал:

– В монастырь иди! Пока не поздно, разбойница!

Императрица беседует с графом Никитой Ивановичем Паниным.

Граф Никита Иванович Панин, глава Коллегии иностранных дел – один из ближайших сподвижников Екатерины в первые годы ее царствования.

– Поручик Чекин доносит, что арестант совсем безумен, – печально говорит Панин.

– Принц Гамлет тоже объявил себя безумным, – усмехается Екатерина. – И ему верили.

– А телом он крепок, – вдруг, без видимой связи с предыдущим, говорит Панин, – только животом страдает, когда обжирается. Ох, надо в оба глазеть, вдруг кто освободить попытается! Особо опасно, если Ваше величество из Петербурга изволит уехать. Тогда легко охотники могут найтись. Хотя на сей случай инструкция есть: немедленно порешить арестанта... Ох, боюсь, чего бы не случилось, *когда Ваше величество из столицы куда уедет...*

И опять Екатерина прошла по кабинету.

«А потом я уехала в прибалтийский край. И там узнала, что некий злодей, поручик Мирович, пытался освободить несчастного Иоанна. И была исполнена инструкция».

Камера. На полу лежит Иоанн – тщедушное безжизненное тело. Над ним стоит долговязый Чекин. Вздыхнув, за ноги оттаскивает труп в угол камеры.

Панин докладывает императрице:

– Сенаторы не верят, что Мирович действовал один. хотят ребра у него пощупать, попытать предполагают, чтобы сообщников узнать.

Екатерина отвела глаза от умоляющего взгляда Панина.

«Я приказала отговорить сенаторов. И Мировича казнили без пытки. Я так и не знаю, подстроил ли Панин заговор Мировича, чтобы непрошеной помощью избавить меня от несчастного Иоанна. Или через Мировича пытался возвести на престол этого слабоумного, чтобы осуществить свою бессмысленную мечту – создать в России западную конституционную монархию. Или действительно не имел к сему заговору никакого отношения. Я предпочла не знать правду. Слишком мало у меня таких людей, как граф Панин».

Усмехающееся лицо Панина.

«Он первым стал в оппозицию к Орловым. Первым понял, как я ими тягочусь. Жаль, что он до сих пор бредит западной монархией. Он слишком долго был посланником в Швеции. Но я всегда помню: граф Панин – блестящий человек..».

Екатерина пишет.

«Ни Петр Третий, ни Елизавета не подготовили мне министров для новых задач, стоявших перед страной. Они обходились надутыми посредственностями. Я призвала к управлению целую когорту блестящих людей. И я дала им возможность совершать великие дела, ибо знаю: не только люди делают дела, но и дела делают людей».

«Но ох уж эти «блестящие люди»! Все эти Панины, Орловы. У них всегда есть свои цели. И ради них они борются друг с другом, а я должна скакать меж ними курцгалопом и следить, чтобы каждый новый «блестящий» имел достаточно сильного соперника. Но для укрепления державы куда нужнее люди просто трудолюбивые. *Исполнительные...* И эти люди – теперь моя опора. А из блестящих мне с головой хватает нынче Григория Александровича Потемкина».

Часы на камине бьют девять: дама и кавалер на часах танцуют менуэт.

Время работы для себя закончено. Наступило время для государства. Она возвращается в спальню.

Екатерина в белом широком капоте и в белом тюлевом чепце. Входит секретарь со множеством бумаг.

Определяется содержание дня. Выслушиваются важнейшие доклады.

Екатерина надевает очки.

– Вам еще не нужен сей снаряд? – спрашивает она с усмешкой секретаря. – А мы на долговременной службе отечеству притупили зрение.

В спальню входят сановники, обер-полицмейстер.

Екатерина подписывает бесконечные бумаги, когда появляется человек средних лет, приятный, спокойный, предупредительный. Это Александр Алексеевич Вяземский. Он из новых, исполнительных бюрократов. Генерал-прокурор. Душа ретроградной партии, ненавистник реформ и враг всякой иностранного влияния. Он таков, ибо этого хочет императрица, чтобы иметь противовес графу Панину, любителю реформ и стороннику иностранного влияния. Екатерина любит равновесие.

– Просмотрите план дня, Александр Алексеевич.

Часы на камине пробили двенадцать. В официальной уборной Екатерина завершает туалет. Она одета в простое широкое «молдавское» платье. Старый парикмахер Козлов заканчивает прическу императрицы. За ушами букли, волосы забраны кверху, чтобы открыть широкий лоб. И никаких драгоценностей. Сейчас Екатерина – правительница.

Втыкают последние шпильки в ее прическу. Одновременно она продолжает решать государственные дела. В уборной толпятся сановники.

Входит граф Панин.

– Уж не стряслось ли что-нибудь, Никита Иванович? Вы сегодня поднялись непривычно рано, – насмешливо говорит императрица.

– Пришло письмо, Ваше величество, от графа Алексея Григорьевича из Италии.

– Разбор иностранной почты назначен на два часа – не будем ломать наш распорядок.

Панин молча кланяется.

«На днях я шутила: угадывала, кто от чего помрет. Про Панина я сказала: «Этот помрет от одной из двух причин – коли ему надо будет или поспешить, или рано встать. И тем не менее сегодня он встал. Да, в чем-то сильно провинился его вечный враг Орлов... Он просто помирает от нетерпения нам рассказать. Ничего, потерпишь, голубчик!»

Часы на камине пробили час – дама и кавалер танцуют свой менуэт.

Время обеда. Обедает она «просто и скромно, в узком кругу».

За огромным роскошным столом собралось два десятка вельмож. Среди них Панин, Вяземский, Голицын, Кирилла Разумовский.

Место справа от императрицы пусто. Это место фаворита. Нынешний фаворит Потемкин – в Москве.

«Раньше за этим столом сидели блестящие люди, теперь – исполнительные. Только, пожалуй, граф Панин сохраняет детскую страсть высказывать собственное мнение. Вещь полезная для державы в дни трудностей и излишняя в дни благоденствия. И нынче я держу его только для одного – участия в придворных интригах. Ибо пока они борются и ненавидят друг друга, я сильна. Итак, он готовит что-то против Орлова. А мы покажем, как ценим графа, – и тем немного раззадорим его. Эти блестящие люди так легко становятся детьми, когда воюют друг с другом».

За столом идет беседа о государственных делах.

– Я отписала в письме к графу Орлову, – говорит Екатерина, – кто и как, по нашему суждению, воспринимает наш мир с турками. Англичане рады, конечно, они наши союзники. Ну, а прочие разные виды имеют... Французы в большом прискорбии – яд, ими испускаемый, действия не дал. Да и Фридриху прусскому не удастся более прибирать чужих земель как было, пока мы с турками воевали. И теперь я с нетерпением жду ответного послания графа. Я так ценю его меткие суждения. – Все это она говорит, поглядывая на Панина. – Кстати, Никита Иванович, вы, кажется, сказали...

– Именно так, Ваше величество. Мы получили важное письмо от графа, – с непроницаемым лицом отвечает Панин. – И сегодня я буду иметь честь доложить вам о том.

На часах – два часа дня.

В рабочем кабинете императрицы – граф Панин, князь Вяземский. Князь Вяземский, как всегда, молчит. Разговаривают Екатерина и Панин.

Теперь с двух до четырех она будет разбирать дипломатическую почту: донесения русских дипломатов, секретных агентов, письма европейских государей. К четырем, когда заканчивается рабочий день, Екатерина будет трудиться уже десять часов.

Панин мягко кладет перед ней пакет.

– Письмо графа Орлова из Ливорно.

– Будьте добры, где мой снаряд?

Секретарь подает очки.

– Ну, и что же пишет граф? – надевая очки, со своей вечно ласковой улыбкой спрашивает она Панина.

– В начале письма граф обстоятельно рассказывает, как откликнулись европейские государи на наш мир с Турцией. И, надо сказать, совершенно повторяет справедливые высказывания Вашего величества, – без выражения произносит Панин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.